

18+

Николай Бредихин
Галактический человек

Фантастический роман

Николай Бредихин

**Галактический человек.
Фантастический роман**

«Издательские решения»

Бредихин Н.

Галактический человек. Фантастический роман / Н. Бредихин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909516-9

Роман «Галактический человек» российского писателя Николая Бредихина не просто современен, он в чём-то даже опережает день сегодняшний. По жанру это типичный роман-предположение, насыщенный глубокими, уникальными размышлениями о Жизни, Смерти, Добре, Зле, Боге, Обществе, Человеке, однако представленный не в форме докучливых умствований, а в остросюжетной, занимательной, захватывающей форме интеллектуального детектива.

ISBN 978-5-44-909516-9

© Бредихин Н.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	16
Часть вторая	19
Глава 1	19
Глава 2	22
Глава 3	24
Глава 4	27
Глава 5	29
Часть третья	30
Глава 1	30
Глава 2	32
Глава 3	33
Глава 4	35
Глава 5	36
Часть четвёртая	40
Глава I	40
Глава 2	43
Глава 3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Галактический человек **Фантастический роман**

Николай Бредихин

Автор и дизайнер обложки Кирилл Бредихин

© Николай Бредихин, 2020

ISBN 978-5-4490-9516-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Глава 1

Их было четверо. Сначала меня поразило именно этот факт. Не слишком ли много для меня одного? И что это за работа такая, если она требует столь тщательной проверки?

Впрочем, меня ничем нельзя было удивить. Я уже привык к отказам, воспринимал их как должное, хотя и вцеплялся в любую, даже самую ничтожную, призрачную возможность бульдожьей хваткой.

Хотя, признаться, вцепляться было особо не во что. Мне редко удавалось проникнуть дальше секретарш – эдакого универсального монстра, который мог иметь любое обличье – от куклки Барби до благодушной мисс Марпл с проседью в волосах, но которого ничем нельзя было разжалобить, невозможно преодолеть, обойти.

Иногда мне отдавали на растерзание какого-нибудь молодого парнишку, имевшего только одно задание: сказать мне «нет» в предельно вежливой и удобоваримой форме. Тут-то и начинался спектакль. Практически всех подобных сосунков подводило одно: ирония. Ну как не поиздеваться над старичком, попавшим в беду? Сам Бог повелел. Однако во мне они находили достойного противника. Я парировал каждый их довод: или словом, или какой-нибудь затейливой бумаженцией из великого множества всяческого информационного барахла, припасённого мной на все случаи жизни и хранившегося в кожаной, с золотым тиснением папке, с которой я никогда в своих поисках не расставался.

В конце концов им ничего не оставалось, как честно признаться: ваш возраст. Что ж, с этого надо было начинать. Потому что больше привязаться было не к чему, да и прежнюю свою работу я, в принципе, именно по этой причине потерял.

А тут целый консилиум!

«Что ж, ребята, – злорадно подумал я, – если вам хочется посмеяться надо мной, удовольствие я вам сегодня гарантирую. Не так уж много в последнее время Бог посылает мне возможностей для развлечений».

– Я полагаю, всё готово и ничто не мешает нам начать. – Худосочный брюнет с крючковатым носом обвёл взглядом своих коллег и затем уже обратился непосредственно ко мне: – Вам хватило времени, чтобы ознакомиться с теми материалами, что мы вам дали? Если нет, мы можем подождать ещё. Столько, сколько вам нужно. Очень прошу, не торопитесь, нам не нужны скоропалительные выводы.

Я кинул взгляд на лежавшую передо мной потёртую картонную папку, завязанную тесёмками. Сколько ей лет? Двадцать? Тридцать? Давно уже такие не выпускают. В ней три ученические тетради, испещрённые мелким, корявым почерком. Половину записей я так и не разобрал.

– Да, я уже вник в существо вопроса: богословие, – кивнул я.

Хороший ответ. Лаконичный. И в то же время – неполный, требующий дополнительных вопросов. И дающий небольшой выигрыш во времени, чтобы сориентироваться, перегруппироваться. Если понадобится.

– Как давно вы ищете работу? – спросил другой клерк, сидевший справа. Тоже брюнет, только смуглолицый. Меня поразили его руки: холёные, с длинными пальцами, как у пианиста.

Сложно, когда тебя опрашивают сразу несколько человек, реагировать нужно молниеносно. А у меня такой реакции отроду не было: я слишком углубляюсь в существо вопроса и слишком медленно из него выхожу. К счастью, вопрос был пустяковый, из тех, что мне задавали практически на каждом собеседовании.

– Полгода, – осторожно ответил я, судорожно соображая, где здесь может таиться подвох. От этого «пианиста», как я уже понял, можно было ожидать чего угодно.

– Причина? – вступил в разговор третий – патлатый улыбчивый парень с серебряной серьгой в ухе.

Пока ничего особенного, вопросы серее некуда. Наверное, для того, чтобы притупить мою бдительность.

– Возраст, – пожал я плечами. – Под пятьдесят карьеру уже не делают.

– Резонный ответ. Однако вернёмся всё же к тем рукописям, о которых мы только что говорили. Вы сказали – богословие. Для нас это слишком расплывчато, коротко. Не могли бы вы подробнее расшифровать нам то, что вы имели в виду?

Вот он, настоящий вопрос. Этот клерк, в отличие от трёх других, говорил без малейшего акцента. Видимо, русский. Я немного поколебался с ответом. Однако медлить долго нельзя было.

– Какая-то ересь. Не относится ни к одной из признанных мировых религий.

– Ересь? – настороженно переспросил крючконосый. – Какая именно?

Я отрицательно покачал головой.

– Не знаю.

– Не знаете, потому что недостаточно компетентны в данном вопросе? – воодушевился, обрадовался возможности зацепить меня неугомонный клювастый какаду.

Я вспыхнул, но сумел сдержать себя.

– Трудно уследить. Сейчас развелось столько тоталитарных сект, новомодных течений. Я в этом вопросе не специалист.

«Пианист» усмехнулся и положил передо мной несколько пожелтевших от времени номеров так и не пробившейся в «высший свет», ничем не примечательной региональной газетёнки (бумага ни к черту – лучше в то время было не достать, «издание» только начало выходить, и редактор ухитрился аж на девять номеров растянуть мой двадцатистраничный опус об одном русском ересиархе). Ну и, разумеется, тот злополучный номер «Науки и религии», достаточно известного в своё время, солидного журнала, – моё наивысшее достижение.

– Понятно, Святая инквизиция, – пробормотал я. – Долго же вы до меня добивались.

– Нет, мы не из прошлого – скорее из будущего, – ехидно улыбнулся «пианист» и при-
совокупил к тому, что уже лежало на столе, пачку писем. Я без труда узнал свой почерк.

– Всё ясно – «контора», так бы сразу и сказали, – уныло, на сей раз с оттенком безна-
дёжности протянул я.

Господи, до чего, оказывается, всё просто. «Любознательный читатель», заинтересовавшийся вашей статьёй, затевает с вами переписку, задаёт, изображая из себя полную наивность, самые разные вопросы, и вы, окрылённый, преисполненный доброжелательности, строчите на самого себя донос. Таких «читателей-почитателей» у меня в то время было трое: один мужчина из Нижнего Новгорода и две женщины из Москвы – одна из Богородичного центра, другая из неовениаминников. Я никогда не видел их, общался с ними только по переписке. Теперь вот так своеобразно мне всё это аукнулось.

– Не угадали, «там» их больше нет. В смысле, в «конторе», если пользоваться вашими терминами, – усмехнулся мой «соотечественник». – Даже копий. К чему мелочиться, мы изъяли досье на вас целиком. Кстати, весьма пухлое.

Я угрюмо промолчал. Было такое время, когда можно было напечатать, издать что угодно. Но мне и тут не повезло. Так что, когда они бросили на стол рукописи трёх моих книжонок по некоторым, на мой взгляд, весьма небезынтересным вопросам религиоведения, в своё время пошлявшихся по журналам и издательствам, но так и не нашедших спроса (Россия – не Запад, подобные вещи здесь до сих пор не в чести), я ничуть не удивился.

Однако настал черёд другому удивлению. Из четверых клерков трое были иностранцы и только один русский. Это было видно невооружённым взглядом. Сначала я просто подумал: какое-нибудь совместное предприятие – сейчас до меня дошло: настолько совместных предприятий не бывает. Разве что какой-нибудь нефтяной консорциум.

Я хотел было уже встать и уйти, как парень с серьгой в ухе подвёл итог нашему задуманному разговору:

– Так вы точно не специалист?

– Ну, может быть, отчасти, – сухо проронил я. – Однако когда это было? Таких «эрудитов», как я, сейчас пруд пруди.

– Не скажите! – помотал головой носатый брюнет.

– Ладно, – я всё-таки встал, чтобы откланяться. – Спасибо за содержательную беседу.

– Так что, вам уже не нужна работа? – усмехнулся «пианист». – Жаль. Пока что вы на нас произвели неплохое впечатление.

Он пододвинул ближе ко мне лежавший на столе кейс чёрного цвета.

– Откройте!

Я тут же снова сел и последовал его совету. Не пытайтесь уверить меня, что вам никогда в мечтах или снах не являлся этот маленький волшебный чемоданчик. Козырная карта каждого десятого кинодетектива. Навязший на зубах штамп. Великий Разрешитель Всех Жизненных Проблем.

Что там было? А как вы думаете? Ничего особенного: десять пачек купюр по сто евро, разной степени сохранности, аккуратно перетянутых резинкой.

Я ущипнул себя за бедро. Боль была вполне натуральной.

– Понятно, – сказал я. – Что нужно делать? Торговля оружием? Наркотики? Бизнес на человеческих органах? Я на всё готов!

Тут я на редкость быстро сообразил. Тысяча долларов в месяц – максимум, на который я как «специалист широкого профиля» мог рассчитывать. Десять-двенадцать лет за решёткой – та же работа, так в тюрьме меня ещё будут кормить. Но моя семья эти двенадцать лет, особенно если разместить лежавшие передо мной деньги в надёжном банке под хороший процент, ни в чём не будет нуждаться. Если всё это, конечно, не «подстава».

– Вы заблуждаетесь, мы не преступники, – укоризненно покачал головой парень с серьгой в ухе. – Хотя наш разговор и ваша работа, безусловно, должны оставаться в тайне. Здесь как раз и заключается для вас главное неудобство, а может быть, и неодолимое препятствие. Вашей жизни постоянно будет угрожать опасность. Серьёзная опасность. Поэтому вам необходимо будет исчезнуть. Навсегда. Мы понимаем, вам нужно время, чтобы подумать. И охотно предоставим вам его. Как уже сказал мой коллега, – он кивнул в сторону крючконосого, – столько, сколько вам понадобится. Единственное условие – не покидать этот офис, кроме того мы отберём у вас планшет и смартфон.

– Подумать? Почему бы и нет? Но вы не сказали самого главного, – сурово напомнил я, – в чём будет заключаться моя работа?

– О, для вас это не составит большого труда, – рассмеялся Пианист. – Привести в порядок записи этого человека, – он кивнул на папку. – Буквально – сделать на основе них книгу. Ну а ещё ваши комментарии, мысли. Раз в год вы будете сдавать нам накопленную информацию и забирать в банках, которые мы вам укажем (всякий раз они будут разные), такую же сумму, какую вы только что имели удовольствие созерцать. Если информация не будет удовлетворять нас, считайте, что год вы проработали бесплатно. Первый ключ лежит в кейсе, с содержимым которого вы только что ознакомились. Хоть вы и никогда не бывали во Франции, полагаю, что здание банка Сосьете Женераль в Париже вы как-нибудь сумеете отыскать. Контракт – на десять лет. По истечении срока он может быть продолжен. Но, так или иначе, вы на всю жизнь остаётесь в нашем распоряжении: закончится эта работа – найдётся другая. Без работы –

я знаю, это ваше самое больное место, – вам никогда больше не бывать. Забудьте о своём возрасте: вы в любом возрасте будете для нас интересны, лишь бы не закисло ваши мозги. Итак, сколько времени вам нужно на раздумье?

– Три часа, – ответил я. – При условии, что вы угостите меня обедом.

– Какие проблемы? – фыркнул парень с серьгой в ухе. – Попотчует по-королевски. Это всё, – он окинул взглядом то, что лежало на столе, – мы вам оставляем. Ваше решение должно быть окончательным, пути назад не предвидится. Вы поняли, что я имею в виду?

Глава 2

Оставшись один, я минут десять сидел, бездумно уставившись остекленевшим взглядом в противоположную стену. До тех пор, пока в комнату не вплыл крючконосый, катя перед собой ресторанный столик-поднос.

– Черепаховый суп, икра чёрная, икра красная... – терпеливо разъяснял он, для наглядности открывая крышки и показывая, что там внутри.

Понятно, выпускать меня отсюда никто не собирался. Обедом меня во всех случаях должны были накормить. Всё было готово заранее. Никаких монстров-секретарш, офис унылый, запущенный – по всей видимости, снят на сутки, якобы для ознакомления. Я так рассудил: час на обед, час на переваривание пищи и тщательный анализ всех разложенных передо мной на столе документов, ну и ещё час – на принятие решения.

Обед был великолепен во всех отношениях, хотя почему-то напоминал мне последнюю волю человека, приговорённого к смерти. Кто бы ни были эти люди, они играли по-крупному и рисковать никак не могли. Я, конечно, обещал им держать язык за зубами. Но ведь отказ мой мог означать только одно – мою смерть. Странное дело: совсем недавно мне было всё равно – жить или умереть, до такого я дошёл отчаяния. Сейчас я был исполнен решимости бороться за свою жизнь до конца.

Я придвинул ближе к себе лежавшие на столе бумаги.

Моё резюме, которое я составил аж на четырёх страницах.

Объявление в журнале «Работа для вас» с моей фотографией и весьма (!) неплохо составленным текстом. Пришлось изрядно потрудиться и потратиться. Результат, как и во всех предыдущих случаях, – ноль.

Да, конечно, если умерить амбиции, что-нибудь совсем завалющее я давно уже мог бы подыскать. Но как прожить вчетвером на какие-нибудь жалкие гроши? Дать образование детям, хоть немного отложить на старость? Для этого нужна была та злополучная тысяча долларов (а лучше три!) в месяц, и я хорошо знал, что стою этих денег, но работодатели думали иначе, мне никто не давал и половины.

Я снова открыл кейс и уже не закрывал его. Деньги, лежавшие там, ничем не пахли: ни потом, ни кровью, но от них исходило удивительное тепло. Как я уже сказал, мой двенадцатилетний заработок, возможно, с такого же срока отсидкой. Опять же, если повезёт.

Наконец, в последнюю очередь, я открыл картонную папку с тесёмками, но голова уже плохо соображала – и я так до конца и не разобрался, о чём в тех записях шла речь.

Как я уже сказал, выбора у меня не было. Я не знал, какие «размышления» имели в виду мои потенциальные работодатели, но знал точно, что размышлять было не о чем. Я должен был исчезнуть. С одной только разницей: либо сразу улететь на небеса, либо потоптать ещё определённое количество лет нашу грешную землю. То есть, в принципе, я недостаточно точно выразился: какое-то подобие выбора у меня всё-таки было.

Я задумался. Мне всегда казалось, что Бог любит меня. Ну зачем ему обижать кроткого, когда вокруг столько злых, хищных, бесстыжих и бессовестных людей? И Он действительно в трудную минуту всегда выручал меня, приходил на помощь. Устроилось бы дело и на сей раз наверняка. Подвернулось бы в итоге что-нибудь стоящее. Так в жизни постоянно бывает.

Да можно было в конце концов и пересилить себя, попроситься опять на прежнее место. На правах старого друга, зная прекрасно, что я уже в чёрном списке из-за седины в волосах, я что-то ляпнул своему начальнику (такой уж у меня характер), почему бы не поползть у него сейчас в ногах, покаяться? Можно было бы даже согласиться где-нибудь и на нижеоплачиваемую должность, а затем обвешаться всякого рода подработками. Тоже какой-никакой вариант. А тут сразу – небеса.

Я даже успел немного вздремнуть прямо на кейсе, когда они явились вновь. Молодые, энергичные, исполненные рвения, и какой-то типчик напротив, с помятым лицом и осоловелыми глазками, еле удерживавшийся от того, чтобы не рыгнуть.

– Вопросы, задавайте вопросы, – кивнул крючконосый в ответ на моё безрадостное «я согласен». – Теперь мы можем быть с вами предельно откровенными, так как с этой минуты, по сути, вы один из нас.

– Кто вы? – всё так же лениво спросил я. – Довольно многонациональное общество.

Пианист рассмеялся.

– Да уж, прямо в «яблочко» угодили! Вы действительно должны быть важной птицей, коли ради вас собрались вместе католик, православный, мусульманин и иудей. Что ж, попытаюсь, как смогу, удовлетворить ваше любопытство. Хотя это будет нелегко. Если по положению, мы клерки, простые исполнители. Те люди, что доверили нам это поручение, находятся так высоко, что до них не дотянуться и не докричаться. Ну, а в общем-то, мы – гелекси, галактические люди, слыхали что-нибудь о таких?

Я отрицательно покачал головой.

– Надеюсь, не инопланетяне?

– Нет-нет, – с улыбкой, вроде как оценив по достоинству мою шутку, поспешил успокоить меня мой «соотечественник». – Просто эту тетрадь, четвёртую, учение о нас, мы изъяли отсюда. Вообще-то мы вполне бы удовлетворились ею (соответственно, великолепно обойдясь без вас), но беда в том, что без первых трёх она мало чего стоит. Речь идёт о новой религии, как вы, наверное, уже догадались. Для того чтобы быть гелекси, совершенно не обязательно её исповедовать: вполне можно оставаться и в своей вере. Но её обязательно нужно знать. «Комментарии, мысли» – слишком расплывчатое понятие. Расшифрую подробнее: от вас требуется то, что по-русски называется «толкование». То есть разъяснение. И чем оно будет глубже, достовернее, тем действеннее от него предполагается для вас отдача. В том числе, естественно, и материальная.

Он замолчал, видя, что я из его слов так ничего и не понял. В дело вступил мусульманин-«пианист».

– Может, вам что-нибудь прояснит мой пример. Я хочу умереть в своей вере, вере моих предков, вере моих многочисленных родных и близких. Но моя жизнь там, наверху, по моей религии, во многом зависит от того, как я жил здесь, на Земле. Не совсем так, как у вас. Я имею в виду верблюда и угольное ушко. Чем я буду богаче, тем больше страждущих я смогу одарить воздаянием, пусть и небольшим, тем будет богаче мой род, тем больше людей будут за меня молиться, тем скорее я вознесусь на небо, а не буду дожидаться своей участи, кормя червей в земле и ожидая, когда Аллах призовет меня. Положение гелекси открывает мне колоссальные возможности достигнуть больших высот здесь, на Земле, и уже с гораздо более значимым (как материальным, так и духовным) багажом предстать перед Всевышним, когда придёт время. Не говоря уже о ключевой позиции, которую мне сейчас с тремя моими товарищами повезло занять. Опять непонятно?

– Да нет, почему же? – уклончиво пробормотал я. – Об этом как-то не принято распространяться, но и у христиан в раю тоже разные небеса. Слуге, рабу и там не стать хозяином. Что до верблюда и игольного ушка, то большинство исследователей склоняется к тому, что «игольное ушко» – это просто ворота в Иерусалиме (ну, знаете, наверное, даже если не бывали там) и верблюд с трудом, конечно, но может при большом желании в них протиснуться, вот только без поклажи и излишнего жирка.

Я вдруг понял, что, если я решил бороться, мне дорога сейчас каждая секунда.

Потому что этих ребят, скорее всего, я вижу первый и последний раз.

Потому что, хоть они и мелкие сошки, но только от них отныне будет зависеть вся моя жизнь.

И я должен хорошо изучить эту четвёрку, чтобы потом, в будущем, уметь предвидеть реакцию каждого из них на те или иные свои поступки, ну а в особенности то, чьё из них мнение окажется в той или иной ситуации решающим.

Любой из них, если понадобится, не колеблясь, прихлопнет меня как муху. Они уже сейчас, рассматривая меня как под микроскопом, без сомнения, удивлялись, зачем это их заставляют так распластываться перед каким-то жалким старикашкой. Они не верили мне, не верили в меня. Ни на грош. Но им хорошо платили. Да ещё сулили блестящую перспективу. Достаточно повод для того, чтобы поковыряться в любом куске дерьма.

Разумеется, я знал, что их смущало больше всего: мой характер. Да, действительно, так всегда бывало: в какой-то момент терпение моё иссякало и тогда я мог выкинуть любой фортель. Я так устроен: просто не способен долго выносить унижение над своей личностью. А эти ребята сразу настроили меня против себя своей спесивостью. Да кто они есть? Молокососы! Ни жизненного опыта, ни знаний, один только цинизм в голове. Достаточно для того, чтобы заработать кучу денег, но маловато, чтобы закабалить свободного человека.

Они что-то чувствовали, разумеется. И вели себя в достаточной степени настороженно. Но в их руках были жизни моей жены и детей, и это их в какой-то мере расслабляло. Мне же не оставалось ничего другого, как только им подыгрывать, и я терпеливо, старательно прикидываясь дурачком, задавал и задавал свои вопросы.

– Кто он, этот человек, рукописям которого вы придаёте столь большое значение?

– Пока мы называем его так, как он предпочёл назвать себя сам, – Ведомым Влекущим (вы же видели заголовок: «Ведомый Влекущий „Книга Вечной Жизни“»), но если понадобится, подберём другое имя.

– Мы не знаем, кто он, этот человек, и не можем сказать, чтобы нас это слишком интересовало.

– Он жив? Где он находится сейчас?

– Он умер. Каков бы ни был интерес к нему самому, мы в состоянии явить миру только его мысли.

– Он русский?

– Конечно, иначе, зачем бы мы приехали в Россию? Перед вами первоисточники – на каком языке они написаны? Но кем он будет окончательно явлен миру, мы не знаем, это не наша прерогатива. Быть может, итальянцем, в Италии всегда были достаточно богатые религиозные традиции.

В конце концов моя фантазия стала иссякать, хотя, надо признать, ребята были ко мне на редкость снисходительны.

– Хорошо. Как говорят у вас, русских: делу время, потехе час, – сурово кивнул наконец Пианист. Как будто до этого я нёс полную околесицу. – Мы возвращаем вам то, что у вас отобрали, вы будете ждать нашего звонка и должны быть готовы явиться в назначенное место по первому зову. Там вам выдадут флешку с копиями рукописей и других, необходимых вам материалов, новые документы; вам сделают также операцию по изменению лица. Одно из основных условий – вы никогда больше, до конца дней своих, не должны появляться в России. Эта страна навсегда будет закрыта для вас. Единственное, что мы оставляем вам сейчас, – деньги. Я так понимаю, что у вас должна быть хоть какая-то гарантия, что с вами и в самом деле заключён контракт. Нам не нужна вашей подписи, достаточно того, что мы обговорили всё до мельчайших деталей на словах. Это для того, чтобы лишить вас даже видимости иллюзии: у вас никогда, ни при каких обстоятельствах не будет возможности расторгнуть либо оспорить наш договор. Куда бы вы ни обратились, вам нечего будет предъявить. У вас есть ещё какие-нибудь к нам вопросы?

– Нет, – покачал головой я, хотя вопросов у меня было предостаточно.
Поразмыслив, я решил не все деньги оставлять в кейсе: часть их рассовал по карманам.

Глава 3

Тот, кто не знает, что есть мир, не знает и места своего пребывания. Не знающий же назначения мира не знает ни того, кто он сам, ни того, что есть мир. Тот же, кто остаётся в неведении относительно какого-нибудь из этих вопросов, не мог бы ничего сказать и о своём собственном назначении. Кем же кажется тебе тот, кто стремится избежать порицания или удостоиться рукоплесканий и похвалы со стороны людей, не знающих ни где они, ни кто они?

Марк Аврелий

Я не удержался от того, чтобы по пути домой не закупить всякой вкуснятины. Жене сказал, что злоключения мои закончились: я принят на новую службу, даже получил небольшой аванс. Только сейчас я понял, как мои домочадцы за меня переживали. У всех буквально камень свалился с души. Только у меня он остался. Я смотрел на сына, дочь, бродил бесцельно по дому, не в силах осознать, что реально происходит – некие злые силы, бесцеремонно вторгшись в мою жизнь, лишали меня сейчас моей любимой троицы. Я не представлял себе, как я буду отныне без них обходиться.

Поразмыслив, я решил оставить восемьдесят тысяч евро в ящике своего письменного стола. Моя жена была весьма наивной женщиной, но тем не менее я был уверен, что у неё хватит ума не относить эти деньги в полицию, а также тратить их потом с достаточной бережливостью и осторожностью. Ребята подсказут, если она сама не сообразит.

Не знаю, какие у них возникнут предположения, но как бы они ни ломали себе голову, ответ будет один: я пожертвовал собой ради них. Как, собственно, и было на самом деле. Я надеялся, что они поймут меня правильно.

Ну а пока всё обстояло как обычно. Никто из них троих, в принципе, и не сомневался, что я найду какой-нибудь выход. Они верили в меня безоговорочно, привыкли к тому, что я всегда всплываю на поверхность, вот только в этот раз им непривычно долго пришлось поволноваться.

Дни тянулись за днями, складывались в недели. По утрам я собирался и уходил будто бы на работу. На самом же деле просто бесцельно бродил по городу, каждый раз вздрагивая, когда жена звонила мне на смартфон. Но работа на самом деле уже началась – работа мысли.

Кто эти люди? Террористы? Естественно, это было первое, что приходило в голову. Быть может, меня наняли писать сценарий очередного, глобального значения, теракта? А все разговоры вокруг какого-то «Ведомого Влекущего» лишь видимость, чтобы запудрить мне мозги? Или речь идёт о чём-то принципиально новом – терроризме духовном, гораздо более действенным? Тогда они и в самом деле неслучайно меня выбрали.

Но что конкретно? И почему они представляли собой четыре разных вероисповедания? Ведь религиозная нетерпимость внезапно сделалась вопросом номер один в мире. И речь шла уже не об отдельных фанатиках, а о целых странах, даже регионах. Неизбежно подобное противостояние должно было закончиться большой мировой стычкой. Причём позиции христиан подтачивались с каждым годом.

Так что же, и в самом деле религиозная диверсия? Глобальная, ошеломляющая масштабами своей разрушительной силы? Кого она могла поразить, ослабить? Только христиан. И всё-таки почему четыре мировых верования вдруг, пусть на небольшой отрезок времени,

объединились? Ведь за молокососами-клерками просматривались колоссальные материальные средства, значительнейшие личности. Они хотели спасти мир от грядущей катастрофы? Не смешите меня! Большие деньги никогда не делаются на созидании – исключительно на разрушении.

Может быть, задача поставлена в том, чтобы породить новых рабов? Совершив скачок от тоталитарных сект к мощнейшей тоталитарной религии? Но все религии тоталитарны, так как все они, так или иначе, призваны закрепить существующие в мире неравенство и несправедливость. Узаконить нищету одних и роскошь других. Дать возможность миллионам дармоедов, ничего не делая, процветать.

Как бы то ни было, сколько я ни ломал себе голову, мне так и не удалось прийти к какому-то определённом выводу. Что-либо узнать, понять можно было лишь в действии, принимая самое активное участие в каких-то, пока ещё очень глубинных и непостижимых для меня, процессах. То есть именно там, куда судьба, помимо моей воли, сейчас неудержимо засасывала меня.

Глава 4

Я был не настолько значительным человеком, чтобы удостоиться хотя бы самого крохотного некролога, просто имя и фамилия в списке жертв очередного террористического акта. Предполагалось, что меня разнесло на куски как находившегося в самом эпицентре взрыва в вагоне метро.

Не понимаю, зачем такие сложности: столько людей вокруг ежедневно бесследно пропадает – неужели недостаточно было представить всё так, будто я просто исчез? Однако не мне было решать подобные вопросы. Просто поступил вдруг звонок на мой смартфон, и это была не жена. Какая-то ничего не значащая фраза, и я, словно зомби, отправился в заранее условленное место. Там мне сделали пластическую операцию, вручили новые документы и билет на самолёт до Амстердама. До сих пор не могу понять: почему они выбрали именно Голландию?

Подробности о самом теракте я узнал из газет, там же прочитал и свою фамилию. Нашли что-то из моих документов, что до фрагментов тела – там было такое месиво, что и не разобрать. Это не пишут в газетах, не показывают в репортажах по телевидению, но мои знакомые-очевидцы рассказывали мне, как после одного из подобных терактов (не буду уточнять конкретно, щадя чувства друзей, близких и родственников погибших) спасатели сгребали лопатами в общую кучу ошмётки-останки человеческих тел, буквально отдирали их от стен.

Я навсегда покидал Россию, но успел уже примириться с этим. Жизнь, которую мне предстояло вести в новых условиях, не оставляла мне места для размышлений. По документам я был канадцем, родился и вырос в Квебеке. Пару лет назад, после смерти жены, решил пожить немного во Франции, наладив там небольшой бизнес. Моих работодателей ничуть не смущало, что я не имел ни малейшего представления об обычаях, особенностях той страны, из которой якобы был родом.

Это были мои трудности, никого больше они не интересовали.

Однако у меня накопилась уйма куда более важных вопросов, и я решил пойти ва-банк, поговорив на эту тему с Соотечественником. Он инструктировал меня один, так что больше мне поговорить было не с кем.

– У меня есть вопросы, – осторожно проговорил я сразу же после нашего визита к пластическому хирургу. – В прошлый раз всё было слишком неожиданно, я не смог сориентироваться.

Он поколебался некоторое время, затем качнул головой.

– Ладно, но смотря, что это за вопросы.

Что ж, ва-банк так ва-банк, я начал с главного из того, что меня тогда столь сильно волновало.

– Признайтесь, я не первый, кому вы предложили подобную работёнку? Что стало с тем человеком? Он сбежал?

Мой собеседник так резко переменялся в лице, что я понял: попадание точно в десятку.

– Одну минуту, – тут же сориентировался он и вышел из комнаты.

У меня появилось время хорошенько поразмыслить, пусть и задним числом (в прошлый раз ничего не получилось), над каждым из «великолепной четвёрки». Для начала я дал им первые пришедшие на ум прозвища, обозначив, соответственно, иудея – Фарисеем, мусульманина – Пианистом, парня с серьгой – Продвинутым, россиянина – Соотечественником. Из них только двое говорили по-русски: Фарисей и Соотечественник, так что в прошлый раз мы общались в основном по-английски, в чём я был не настолько силен, чтобы не упустить некоторые нюансы. Сейчас неожиданно представилась возможность уточнить кое-какие неясности.

В комнату вошёл Пианист. Что бы это могло значить? Он был лидером, главным? Или наоборот? Лидер прислал его, чтобы укрыться за ним?

– Вы нас удивили, – неохотно признался Пианист, упершись локтями в стол и скрестив в замок перед собой свои знаменитые пальцы. – Предположим, вы правы. Почему это настолько для вас важно?

Я пожал плечами.

– У меня есть враги?

– Да, – кивнул тот, – и достаточно много.

– То есть это не единственная утечка?

– Это было до нас. Мы начинаем всё заново. Прежний состав полностью поменялся. Вот почему мы не стали связываться с профессионалом. Искали вас долго, тщательно, по всей стране, как кандидата на далай-ламу. Надеюсь, мы не ошиблись. Во всяком случае, и это уже совершенно очевидно, ума вам не занимать.

Я помедлил: комплименты меня не интересовали. Восточный человек – как вытащить из него правду?

– Вы ставите меня в неравное положение. У кого-то есть четвёртая тетрадь, у меня её нет. Вам не кажется, что в определённый момент этот фактор может оказаться роковым?

Пианист подумал, затем, ни слова не говоря, вышел.

Долго гадать, кто окажется следующим, мне не пришлось. Им оказался Продвинутый.

– Мы посоветовались, – вздохнул он, – но решили, что не можем рисковать. Может быть, когда-нибудь мы и удовлетворим вашу просьбу и вы найдёте флешку с содержимым четвёртой тетради в одной из очередных банковских ячеек. Возможно, это не произойдёт никогда и работу с ней мы поручим совсем другому человеку. Вы не вправе настаивать. Тот, кто платит, тот и заказывает музыку. Ваше дело – исполнять. Хотя, конечно, вы вольны выразить любое своё мнение. От себя лично немного приоткрою завесу: четвёртая книга -практическая, человеку стороннему может показаться, что в некоторых моментах она первым трём в чём-то противоречит. Однако, повторяю, не ломайте над подобными вещами себе попусту голову.

– Хорошо, – вздохнул я. – Вам решать. Хотя вы, безусловно, совершаете ошибку. Но не могли бы вы в таком случае, пусть даже в общих чертах, рассказать о том, кто такие гелекси?

Я ожидал, что Продвинутый тоже поднимется и уйдёт или, по крайней мере, откажет мне в моей просьбе, однако он не колебался ни минуты.

– Галактические люди? Кто мы... – пробормотал он. – Что ж, я могу просветить вас, вот только в состоянии ли вы что-то о нас понять? Скажем так, люди самых разных вероисповеданий собрались вместе, чтобы построить своего рода новую Вавилонскую башню. Они назвали себя гелекси. Их эмблемой стал цветок бессмертника песчаного (*Helichrysum arenarium*). Как вы уже поняли из первых трёх тетрадей, новая религия отрицает загробную жизнь. Она утверждает, что любое несовершенство обречено и исчезает без следа. А значит, и мы исчезнем. В чём же выход? Поумнеть! Мы вполне в состоянии в разы продлить годы нашей жизни, если только не будем обольщаться бессмысленными иллюзиями, а сконцентрируемся в полную мощь на этой задаче. То есть, оставаясь в рамках своих вероисповеданий и нисколько не отрицая загробную жизнь и жизнь после смерти, мы тем не менее абсолютно уверены в том, что мысли о продлении собственной земной жизни нисколько не противоречат ни одной религии на Земле. Так же, как и желание сделать её более счастливой, насыщенной. Что в результате? Ведь большинство людей не захочет меняться, останется при своих прежних взглядах. Параллельное сознание, параллельное существование. У нас много преимуществ. Нам нет необходимости заботиться о сырых и убогих, если только они сами не возжелают поумнеть либо разбогатеть. Мы имеем возможность свободно перемещать капиталы, производства, технологии по всему миру. У нас уже сейчас лучшие врачи, лучшие учёные, лучшие умы. Мы выискиваем

их по всему свету, даём им образование, создаём благоприятные условия для жизни, работы. Но главное – мы готовим сокрушительный прорыв в Космос, так как только там видим настоящую площадку для реализации наших планов. Собственно, об этом можно рассказывать бесконечно...

– Но есть проблемы, – тихо констатировал я, безжалостно отменяя в сторону его последние слова.

Продвинутый замолчал. Наверное, впервые ему пришло в голову, что они заигрались со мной, что я вполне могу не только быть с ними на равных, но и оказаться орешком им не по зубам.

– Да, разумеется, – наконец собрался он. – Иначе бы мы не искали помощи со стороны. Образовалась брешь после смерти Ведомого Влекущего, и мы никак не можем залатать её. Начались разногласия...

– Он не умер, он ушёл, – перебил я Продвинутого, поправив его.

– «Он не умер...» – озадаченно проговорил он, пытаясь осознать преподнесённую мной фразу.

– Гелекси не умирают, они уходят, – вынужден был дальше прояснить свою мысль я, видя, что процесс осознания может растянуться надолго.

Теперь настал черёд Продвинутому ретироваться.

– Ни в жизни, ни в смерти... – пробормотал я ему вслед.

Он обернулся. Чувствовалось, что я добил его окончательно.

– ...Бог не покинет нас, – ехидно закончил я свою фразу.

Я с нетерпением ждал Фарисея. Тот не замедлил появиться с сиропной улыбкой на губах.

– Ни в жизни, ни в смерти, – поспешил он поприветствовать меня.

– Бог не покинет нас, – эхом отозвался я.

– Да, здорово сказано, – восхитился он. – «Гелекси не умирают, они уходят». Минимум, что они могут сделать – запечатлеть свои мысли, память о себе, сохранив их в веках или хотя бы для потомства. Максимум – сохранить свою плоть (то бишь первую оболочку) для последующего воскрешения, ведь медицина сейчас шагает, будто в семимильных сапогах. Собственно, мы сказали вам сегодня всё, что могли, но в награду за этот великолепный слоган: «Гелекси не умирают...» и пароль – приветствие-прощание, я приоткрою вам ещё одну тайну: быть гелекси непросто, это не только большая наука, но ещё и хоть и весьма насыщенная, но полная опасностей жизнь. Приведу лишь одну из наших нравственных заповедей: «Война всему, что убивает». Как видите, не такие уж мы пушистые. Так что без труда можете себе представить, сколько у нас врагов. Вы должны понять: мы не хотим власти над миром, предел наших мечтаний – отстоять, сохранить себя. И чтобы нам никто не мешал при этом. Но слишком многих не устраивает такое положение вещей. Этим людям куда удобнее было бы видеть нас в привычном состоянии – рабами.

– То есть, если быть кратким, – поморщился я его велеречивости, – гелекси – это люди «второй оболочки»? В ней начальная и конечная цель их устремлений? Разными могут быть лишь пути её достижения.

Фарисей некоторое время помолчал, ошарашенный. Затем кивнул:

– Что ж, и за это рассуждение спасибо. Оно не уменьшит количество наших врагов, но вполне может умножить число наших сторонников.

Часть вторая

Глава 1

Оставшись один на один с металлическим ящиком, вынутым из банковской ячейки, я минуты две помедлил, не решаясь повернуть ключ. Слишком многое зависело от того, что там внутри могло находиться. Европа не Россия, цены здесь на всё бешеные, а у человека, который скрывается, ко всему прочему расходов куда больше, чем у того, кто живёт отлаженной, легальной жизнью. Так что не мудрено, что за год я основательно поиздержался.

Много раз я пытался решить вопрос заранее: что я буду делать, если «клерки» забракут тот материал, что я им представил? Разорвать в одностороннем порядке наши отношения, какими бы последствиями мне это ни грозило? Стерпеть, утереться, устроиться где-нибудь на работу, как-нибудь просуществовать ещё один год?

К счастью, деньги, ключ от новой банковской ячейки были на месте, я быстро убрал их в кейс и навсегда покинул хранилище банка «Сосьете Женераль».

Снова сто тысяч евро, новый банк, на сей раз «Креди Лионне» в Марселе, и никаких записок: инструкций, пожеланий. Тем более загадочной четвёртой тетради. Карт-бланш, который открывал мне многое. Пожалуй, идеальный вариант.

Прошедший год дался мне нелегко. Больше всего меня терзали мысли о моей семье, но по вполне понятным причинам я не решусь доверить этим страницам какие-либо подробности о своих родных и близких. Я понимал, что не смогу больше даже помогать им материально: я не мог допустить, чтобы их жизням угрожала хоть какая-то опасность, а для этого я должен был стереть их в своей памяти и так глубоко зарыться в ил, чтобы меня никто и никогда не нашёл.

Второй болью была Россия. Чужбина есть чужбина, всё здесь, на Западе, раздражало меня. «Родина нам – вся земля, где родимся и где нас хоронят» – (Катон). «Где хорошо, там и родина» – (Аристотель). «Людей, покидающих своё Отечество для чужих краёв, на чужбине не уважают, а на Родине чуждаются» (Эзоп).

Я привык к совершенно другому укладу жизни и, хотя ура-патриотизмом переболел ещё во времена своей далёкой юности (особенно армия вылечиться помогла), представить не мог, что когда-нибудь вынужден буду покинуть родные места. Уже один тот факт, что я никогда не смогу посетить могилы родителей, отравлял мне всё моё новое существование. Однако признать, на ностальгию у меня тоже совершенно не было времени.

Размышляя о произошедшем со мной («почему я?»), я нашёл только одно объяснение тому, что меня столь неожиданно вырвали из привычного состояния и поставили на грань жизни и смерти: мои потуги в богословии. В молодости я вполне довольствовался атеизмом, который мне вдалбливали в голову ещё со школьной скамьи, затем сам собой пришёл естественный интерес к тому, как же всё-таки на самом деле устроен окружающий мир. Однако ни одно из существующих вероисповеданий при ближайшем рассмотрении не удовлетворило меня – я так и остался на перепутье. Потом небезызвестной «перестройкой» жизнь устроила мне такую встряску, что сделалось вообще не до подобных раздумий. Сейчас, пожалуй впервые в жизни, времени пораскинуть мозгами над этим вопросом у меня было предостаточно.

Идя шаг за шагом дальше в своих размышлениях, я понял, что мои последние неудачи в поисках работы были отнюдь не случайны. Ясно было, что если бы не «клерки», работу я бы давно нашёл, да и вряд ли потерял ту, прежнюю, которая у меня до того была. Я не знаю, как именно они строили свою игру, скорее всего просто занимались каким-нибудь грубым,

примитивным очернительством, тем не менее своих целей они добились, и я запутался в их сетях.

Мысли, много мыслей, безумное количество мыслей, но главный факт был всё же в другом. Ещё тогда, в самом начале нашей знаменательной встречи, я посмеялся над сроками, которые мне были поставлены, – десять лет. На ту работу, которую я выполнил за год. «Несчастье имеет свойство вызывать таланты, которые в счастливых обстоятельствах оставались бы спящими» – писал Гораций. Вполне возможно, что как раз так со мной и произошло, хотя о каких-либо подобных немалых способностях в себе я раньше не подозревал.

Но я опять не о том. «Фирс сделал своё дело...» Наверное, надо было растянуть процесс, однако не в моих правилах было играть в подобные игры. Я всегда отличался добросовестностью. Ничего не поделаешь, такая уж у меня натура.

Как бы то ни было (каюсь, я не чужд тщеславия!), из трёх тетрадей я слепил неплохую книжицу. Да, собственно, автор достаточно точно выразил свои мысли, слишком разжёвывать их не требовалось. Вместе с тем я понимал: самое вероятное, что может произойти, – в тот момент, когда моя работа будет закончена и во мне отпадёт необходимость, меня без лишних раздумий убьют. Однако всё-таки решил рискнуть. Больше всего я рассчитывал на их любопытство: что я буду делать дальше? Они вполне могли позволить себе роскошь – ещё год поиграть со мной в кошки-мышки.

Уже в гостинице, переодевшись и усевшись за стол, я достал из кейса и повертел в руках ключ от новой банковской ячейки. Я был твёрдо убеждён, что она окажется пустой в тот день, когда придёт время в неё заглянуть, но также хорошо понимал, что, невзирая ни на какой риск, обязательно ознакомлюсь с её содержимым.

Это обстоятельство как раз само собой решало вопрос, который стоял у меня сейчас первым на очереди: использовать данный мне Богом шанс и укрыться так, чтобы меня никогда не нашли (во всяком случае, хотя бы попытаться это сделать), или продолжать жить дальше, ничего не меняя. Первый вариант был теперь совершенно невозможен: моё появление в Марселе, в «Креди Лионне», свело бы на нет все мои усилия.

Как бы то ни было, первый раунд я выиграл. Доказательства были налицо: жизнь, сто тысяч евро, ключ от новой банковской ячейки. Наверное, надо было отложить сейчас в сторону все дела и как следует отпраздновать это событие, но моё новое существование таило слишком много опасностей, чтобы в нём расслабляться.

Во-первых, подаренные игрушки ничего мне не гарантировали, их могли отобрать у меня в любой момент вместе с телом и душой. Во-вторых, не следовало забывать о врагах: самый момент был им появиться и как следует попоптрошить мой планшет.

С этого я как раз и начал – с планшета. Весь год я делал в нём в отдельном файле пометки, откладывая разрешение их до получения заветного ключа.

Одно из самых первых моих открытий было в том, что я осознал лишь после долгих раздумий то обстоятельство, которое поразило меня ещё в самом начале: их было четверо. Не слишком ли много для меня одного? Действительно, они безрассудно рисковали бы, поставив всё на одну карту. А значит, нас тоже должно было быть как минимум четверо. Пожалуй, точно четверо. Четверо «новых евангелистов». Не следует забывать также, что мои «переговорщики» (не могу называть их, как прежде, «нанимателями») были просто клерками. И, стало быть, в их же собственной иерархии я был по рангу гораздо выше любого из них.

Какие ещё выводы диктовала мне логика? Каждому из нас («новых евангелистов») должны были быть созданы одинаковые условия, определены одни и те же задания. Радовал ли меня или, наоборот, разочаровывал подобный факт? Трудно сказать, но я бы дорого дал, чтобы знать наверняка, как обстояло дело в действительности.

Естественно было предположить также, что не все четверо в итоге получили заветный ключ. Как бы я сам поступил с аутсайдерами? Пустил бы их по следу более удачных соперников. Как с целью охраны, так и для самой заурядной слежки. Но меньше всего на свете мне хотелось сейчас опираться на свои собственные предположения. Нет, надо было влезть в шкуру «переговорщиков» и руководствоваться именно их мыслями.

Пожалуйста, первый же пришедший мне на ум пример. Превратить своего подопечного в соглядатая означало бы поставить себя, в сравнении с остальными, в подчинённое положение, а этого никто из «великолепной четвёрки» себе позволить не мог: все они были слишком амбициозны, честолюбивы.

А значит, если кто-то из моих коллег не оправдал надежд, самым целесообразным после его устранения было бы просто подобрать ему замену, дав новому кандидату новое задание и зарядив новыми, точнее обновлёнными данными.

Кстати, меня меньше всего на свете интересовало, кто именно из «клерков» являлся моим непосредственным куратором. Мои умозаключения и так были слишком зыбки, чтобы перегружать их такими деталями.

Однако наиважнейший для меня вопрос оставался прежним: как и над чем работать дальше? Только исходя из этого (работы) я мог выстраивать свою будущую жизнь.

Тот самый карт-бланш. Перетирать и дальше содержимое трёх тетрадей или же проявить себя как личность? Требовалось лишь уточнить, на самом деле этот вопрос давно уже был мною решён.

С лёгким сердцем я закрыл и сдал в гостиничный сейф планшет и отправился «кутить». Хотя, собственно, в чём конкретно это могло выразиться? Напиться? Провести ночь с женщиной?

Глава 2

*Кто ненавидит мир?
Те, кто растерзал истину.
Аврелий Августин*

Четвёртая тетрадь... Теперь у меня не оставалось никаких сомнений: именно в ней было всё дело. Четвёртая, но не последняя. И если говорить об учениях, то учение о гелекси, как итог, никак не могло быть посередине – его следовало искать в самом конце.

Вот эту прореху я и собирался восстановить. Занятие со всех точек зрения бессмысленное: как я мог состязаться с Пророком? Но был ли у меня какой-нибудь другой выход? Если промежуточные тетради уничтожены или им ещё только предстоит уйти в небытие, можно ли смириться с подобным фактом? Я, во всяком случае, не мог.

Вот это я и определил своей работой. Какой же, исходя из неё, должна была сложиться теперь моя жизнь?

Клерки вправе были наказывать меня за строптивость, в любой момент прихлопнуть и растереть, как зазевавшуюся муху. Как я уже сказал, мне не оставалось ничего другого, как только надеяться на их любопытство. Точнее, на любопытство тех, кто стоял за ними. Кто знает, быть может, тем слоганом «Гелекси не умирают...», паролем и в особенности рассуждением о «второй оболочке» как о начальной и конечной цели я и спас в день нашей знаменательной встречи свою жизнь?

Враги... О врагах поподробнее. Вряд ли промежуточные тетради были у них в руках, но знать их содержание было им крайне необходимо. Так что их я пока тоже мог не опасаться. Как говорится, Господи, убереги меня от друзей, а от врагов своих я уж сам себя как-нибудь уберегу.

Сказано: «Знай: из учителей твоих только Бог и Пророки навсегда, все остальные – учителя на время» (Курсивом здесь и далее по всему тексту романа выделены цитаты из откровения Ведомого Влекущего «Книга Вечной Жизни» – Прим. ред.)

«Но если Бог так далеко, как определил его Ведомый Влекущий, – начал я свои рассуждения, – то кто вместо него важнее всех остальных здесь, рядом?»

«Посредник, пророк».

«Однако пророков много, как же не затеряться среди них?»

«Значит, бывают пророки и Пророки».

«Не было никогда Сына Божия, и никогда не приходил Он к людям. Как может целое прийти к своей части? Только откровением из уст Пророка».

Но где же здесь Мессия? И как определиться с извечным спором: был ли Он уже на Земле или Его приход только грядёт?

«Как происходит процесс явления личности, которая переворачивает собой историю?»

Накапливаются какие-то знания, которые необходимо слить воедино и представить людям то, мимо чего они раньше равнодушно проходили, в таком виде, чтобы они теперь от этого глаз не могли отвести?

Люди должны сами созреть для подобных знаний?

Происходит вмешательство неких высших сил?

Наступает поворотный момент в истории человечества, неотвратимо несущегося к своей гибели и, как результат, – спасение?

Невозможно объяснить.

Но приходит Он и меняет в корне жизнь миллионов, а порой и миллиардов людей. И даже не просто людей, но и народов, поколений, цивилизаций, человечества.

Таких людей мало назвать пророками, они – Мессии. Ибо пророков было великое множество, но Мессий было только пятеро.

Он Шестой?

Он пришёл? Столь долгожданный, желанный, пробился сквозь толщу веков?

Многие с удовольствием отринули бы факт его явления, если бы не его мысли. Но мысли эти от Бога, нельзя не признать их величия.

С тех пор, как Он заронил их во мне, я на всё смотрю Его глазами, Его мыслями думаю.

Для меня нет никаких сомнений: Он – Шестой».

Арсентий Сириус «Слово Пророка».

Так родилась у меня книга, которую я назвал: «Слово Пророка».

И уже с первой страницы я понял: Бог подарил мне новую, вторую жизнь. Перебирая в памяти то, первое, прежнее своё существование, я не нашёл никаких причин для недовольства им. Да, мне было нелегко, по сути я пожертвовал собой, всё своё время, энергию посвятив своей семье. И я был счастлив, очень счастлив. Несомненно, так и прожил бы счастливо весь отпущенный мне Богом век, если бы не эта случайность. Но было и другое: я изжил себя в той, первой жизни, достиг потолка, мог двигаться в ней дальше только по инерции. Наверное, я заслуживал большего, и это большее я теперь получил.

Осознав это, я понял, насколько я был неблагодарен. Такое мне не могло ни присниться, ни вообразиться в самых смелых мечтах: полное решение всех моих материальных проблем и возможность заниматься без помех и ограничений любимым делом. Боже, я и не подозревал о том, насколько оно мною любимо.

Глава 3

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Вторая жизнь, глубочайшие перемены в моей личности, жизни и эта неожиданная встреча.

Я отправился «кутить» в тот вечер и всё время посмеивался над собой: вот я работал как вол целый год и заработал кучу денег. Как же мне было себя хоть чуть-чуть не вознаградить?

Её звали Лиля. Загадочная Лилит? Двуликая Лилианна: её можно было называть как Лилей, так и Аней. Наутро я пытался осознать то невероятное чувство эйфории, которое испытал накануне.

Обыкновенная женщина из России, приехала с группой туристов посмотреть легендарный Париж. Тоже была взволнована, своя эйфория. Небогата, но наскребла денег.

– Вы так хорошо говорите по-русски!

Наверное, надо было притвориться, коверкать иногда слова, неправильно ставить ударения, переспрашивать, уточнять, что значит это, то выражение, фразеологический оборот. Но целый год...

Целый год я прожил анахоретом. Одичал, забыл родной язык, что такое женщина, какое-то общение. Работа над книгой, «Книгой Вечной Жизни», далась мне нелегко, я был поражён, сколько новой литературы по богословию появилось в последнее время, да и «железный занавес» в своё время сильно ограничивал мои возможности на этом направлении. Приходилось навёрстывать упущенное, а чаще даже – осмысливать то, что вообще не имело аналогов.

Ну а ещё, конечно, боязнь разоблачения. Меньше всего на свете мне хотелось привлекать к себе внимание. А тут меня прорвало.

Быть может, со стороны это очень походило на диалог слепого с глухим: каждый слушал себя, да и вообще не слушал – важным было выговориться. Как видно, в группе интересы были достаточно приземлёнными и Лилля (Аня) тоже оказалась в своеобразной изоляции.

Иногда я спохватывался и начинал маскироваться. Рассказывал Лиле о Канаде, Монреале, Торонто, о нашем весьма своеобразном климате, о своих якобы русских корнях – мифическом «дедушке», нашедшем своё счастье так далеко от родины. Потом я вновь забывался и сыпал примочками, аллюзиями, которые никак не вязались с моим утверждением, что я никогда не бывал в России.

Мы, не знаю с какой стати, вдруг заговорили о кабаре «Мулен Руж», было интересно, существует ли оно до сих пор? Решили разрешить наш спор у портье.

– Конечно, конечно, незабываемое зрелище! Но знаете, там так дорого! Просто непомерные цены, если учесть, что это всё-таки немного вчерашний день. Я мог бы вам порекомендовать много заведений подобного рода гораздо интереснее, но дешевле. «Лидо», например.

Мы с Лилианной молча переглянулись. Какой недотёпа! «Лидо», например... Кому в России известно это слово? Можно ли им поразить наповал родных, друзей, близких, товарищей по работе, рассказывая им о достопримечательностях Парижа? Вот «Мулен Руж» – это наверняка! Для россиянина это название, как сейчас, так и во времена социализма, было ничуть не менее красноречивым и захватывающим, чем Эйфелева башня.

Воображение наше заработало в одном направлении, на полную мощность. Ла Гулю, Валентин Бескостный, Тулуз-Лотрек, что-то рисующий за своим персональным столиком. Натуралистическая кадрили – «Френч Канкан». А то, что дорого... Не было проблем. С моими деньгами!

Чтобы не обижать портье, мы попросили его вызвать для нас такси. И не пожалели об этом. Уже через пару минут он, лукаво улыбаясь, спросил, зажимая микрофон у телефонной трубки:

– Что вы предпочитаете? Ужин и спектакль или просто спектакль?

– Конечно, и то и другое, – незамедлительно отозвался я.

– Ну а меню? – спросил портье, обращаясь уже не ко мне, а к даме: – «Френч-Канкан», «Тулуз-Лотрек»? Мой приятель рекомендует «Бэль эпок».

– Что ж, последуем совету вашего приятеля, – радостно улыбнулась Лиля.

Мне стало неловко. Недотёпа-парижанин, тем более портье... Такое могли вообразить себе только действительно недотёпы – россияне. Ну а честнее было бы сказать так в единственном числе. Мне как-то и в голову не пришло, что могут быть поистине неразрешимые проблемы с билетами. И я постарался хоть как-то восполнить свою несообразительность щедрейшими чаевыми.

Ужин и спектакль или просто спектакль... Конечно, было куда большим наслаждением восхищаться потрясающим зрелищем, переваривая жаркое из ягнёнка «Провансаль».

Ревю «Феерия»... Да, представление было действительно волшебным. Необыкновенные костюмы – блёстки, перья, стразы; красивейшие девушки, собранные со всей планеты, – «Дорис Гёрлз».

«Любовь – это праздники жизни, а жизнь – это праздник любви» – не помню, откуда это, но праздник и в самом деле был незабываем.

Когда мы возвращались в отель, я поделился с Лилит своей мечтой: попутешествовать по «святым местам». Да, да, согласилась она со мной, это было бы невероятно здорово: увидеть Иерусалим, Стену плача.

Я так и не заснул в ту ночь. Наутро они уезжали. Мне удалось перехватить Лилу уже в фойе.

– Я забыл спросить: вы замужем?

– Нет, – покачала головой она. – Разведена. Две дочери. Они здесь, со мной.

И рассмеялась моему изумлению.

– Да, да, мы долго спорили на семейном совете. Небольшое наследство от моей бабушки: «домик в деревне». Но в зелёной зоне, не очень далеко от Москвы. В конце концов решили не менять ничего в своей жизни, просто позволить себе что-то невообразимое. С трудом, но хватило. Вы не одобряете столь безрассудный поступок?

– Ну почему же? – пожал я плечами. – Но я, в свою очередь, хочу предложить вам нечто ещё более безрассудное. «Иерусалим. Стена плача». Не согласились бы вы отправиться со мной в такую поездку?

– Как-нибудь в другой раз. Быть может, не в этой жизни. В этой нам точно больше уже так не подфартит.

– Вы не поняли, у меня есть деньги, – заволновался я. – Так получилось, что после смерти жены я остался совсем один на белом свете. В этой жизни. Дети взрослые, им не до меня. Так что мне ничего не нужно от вас, просто такое путешествие было бы для меня в чьём-то обществе гораздо приятнее и интереснее. Бог послал вас. Бог так решил, не я.

Она посерьёзнала, поколебалась какое-то время.

– Вам сложно будет продлить отпуск? – удручённо спросил я.

– Нет, это как раз самое лёгкое. Позвоню, договорюсь. Начальница – моя подруга. Я не такой уж важный работник, чтобы настолько быстро почувствовалось моё отсутствие.

Лиляанна подумала ещё немного, затем вздохнула.

– Хорошо, через три дня наша поездка заканчивается. Я поговорю с девчонками, решу все остальные вопросы. Если вы не передумаете к тому времени, как нам пересечься? Кстати, я совсем не подумала: а как же виза?

– Я всё утрясу. У вас есть смартфон?

– Да, разумеется.

– Прекрасно. Я вам позвоню.

- Ладно, – она замялась. – Но если вы вдруг передумаете...
- Я не передумаю, – прервал я её.

Глава 4

Оставшись один, я попытался понять причины своего столь рискованного поступка, однако, поразмыслив хорошенько, не нашёл в нём ничего безрассудного.

Волшебный ключик, полученный мною в банке «Сосьете Женераль», внёс в мою жизнь много перемен. У меня теперь появилась возможность повидать мир. Раньше с теми деньгами, которые у меня были, об этом не могло быть и речи. Движим я был здесь в первую очередь не любопытством, а необходимостью посетить места, связанные с зарождением и расцветом мировых религий, я хотел посмотреть на них собственными глазами. Кроме того, путешествуя, проще было затеряться, а это обстоятельство тоже было для меня немаловажно.

То есть Лилит поистине оказалась для меня подарком судьбы. Ничтожность дополнительных затрат, которые у меня появлялись, не шла ни в какое сравнение с тем, что я получал взамен. Мне надоело моё безмолвие, хотелось с в предстоявшем путешествии с кем-нибудь делиться своими впечатлениями, наблюдениями, получить неограниченную возможность поговорить о России, поговорить по-русски. Меньше всего я думал о Лилианне как о женщине, и не оттого, что она была на голову выше меня ростом и никак не смахивала на красавицу: просто то, о чём я говорил вначале, было для меня не в пример важнее.

Оставшись один, я тут же включился в работу, но не в ту, которой занимался целый год, а в куда более приятную: обложился справочниками, туристическими проспектами, биографиями Пророков, богословскими книгами, священными текстами и принялся вычерчивать интересовавший меня маршрут. Потом я понял, что если попытаюсь охватить весь круг своих интересов, мне не хватит и года, в то время как необходимо было уложиться максимум в месяц, и принялся тщательно ужимать тот вариант, который поначалу был мной очерчен.

Три дня пролетели незаметно. Лилианна не подвела меня, хотя времени, поговорить у нас было в обрез. Мы беседовали уже в аэропорту.

– К сожалению, я вынуждена отказаться от вашего предложения, – вздохнула Лилит. – Моя старшая дочь поступает в этом году в институт, и хотя до сего знаменательного события ещё почти полгода, к нему нужно очень тщательно готовиться. Если я уеду в столь ответственный момент, девчонки меня просто не поймут. Это не отговорки. У меня нет никакого комплекса, что вы оплачиваете мою поездку, я считаю это лишь продолжением того чуда, которое уже произошло со мной. Я долго анализировала вашу личность (было достаточно времени) и пришла к выводу, что, как бы это вам сказать поделикатнее: вы не совсем тот человек, за которого себя выдаёте, но, признаюсь откровенно, мне это тоже всё равно, совершенно не пугает меня. Я почему-то уверена, что вы никогда не причините мне зла, и этого мне вполне достаточно.

Я молчал, разочарованный, хотя она была во всём права. Просто я смотрел на свою мечту, разлетевшуюся вдребезги, как упавший хрустальный шар, и даже осколки её были необычайно красивы.

Лилит оглянулась на двух девчушек, стоявших в стороне, очень похожих на неё. Видно, пора было поторапливаться. Одна из девчонок (младшая) показала большой палец и даже сделала жест другой рукой, будто присыпает его чем-то, старшая же, наоборот, многозначительно постукала себя по лбу кулаком.

– Мне надо спешить, – сказала, повернувшись ко мне, Лилианна. – Но я не договорила. Отпуск у меня ещё впереди, я потратила лишь отгулы. Так что, как только я освобожусь, тут же вам позвоню. И обязательно приеду, если у вас к тому времени ещё сохранится желание видеть меня.

Я хотел было возразить, но она предупредила меня, подняв вверх палец.

– Можете не говорить, я понимаю, что к тому времени вы уже используете свой отпуск и вернётесь к своей работе. Но я вполне могла бы обойтись без всяких поездок, просто побыть вместе с вами, немного скрасить вашу жизнь. Я вам совершенно не помешаю. Не беспокойтесь за меня, я ничего не прогадаю: увидеть изнутри то, что я прежде видела лишь снаружи... Уверена, впечатлений будет столько, что мне их все не переварить.

Я кивнул, тщательно маскируя своё разочарование.

– Да, конечно, меня это вполне устроит.

Даже проверил, сохранился ли в памяти её мобильного телефона мой номер.

Глава 5

Хрустальный шар – наверное, это прозвучало слишком вычурно, но трудно было выразить по-другому и красоту нашей встречи, и моё разочарование. Однако жизнь продолжалась, может быть это было к лучшему: идея поездки как паломничества, «путешествия по святым местам» разваливалась на глазах, едва я принимался что-то выстраивать на её основе. Непрерывающиеся теракты, волнения, столкновения, сплошь и рядом перераставшие в военные конфликты, плодили уйму совершенно ненужных проблем. А жаль, ведь речь шла не об отдыхе, а о работе, мне многое необходимо было узнать, уточнить, проверить и перепроверить.

Часть третья

Глава 1

Работа над «Книгой», как я уже говорил, поначалу давалась мне очень нелегко, однако к концу года я уже неплохо ориентировался в её постулатах. А решение следовать своим путём совершенно меня переменяло. Я вдруг почувствовал, как у меня выросли крылья. И уверенность мою в себе, своей уникальности, уже ничем нельзя было поколебать. Вопросы буквально переполняли меня, но и открытия, откровения следовали одно за другим.

Несомненно, исключительно благодаря силе инерции, в запальчивости, так легко вскарабкавшись на вершину с «Книгой Вечной Жизни», я и написал первую главу «Слова Пророка». Затем работа застопорилась. До тех пор, пока я не нашёл формулу, ставшую для меня потом на долгое время путеводной звездой: «Стань ведомым и станешь влекущим».

Мне так и не удалось разгадать, что имел в виду Пророк, выбирая для себя такой псевдоним, но я в нём обнаружил ключ ко многим своим открытиям.

Ведом своей целью. Выбери цель, неустанно следуй ей, и в конце концов она сама приведёт тебя к себе.

Примерно так я рассуждал раньше, исходя из откровения: *«Цель осознанная обладает способностью приближать к себе, сокращать время»*, но здесь мне открылся совсем иной путь, и даже одновременно два в одном: ведомый Богом и ведомый Пророком.

Я сознавал, что у меня есть заказчик, что моя работа хорошо оплачивается и что я обязательно должен её выполнить... Но в чём же она заключалась теперь, моя работа?

Стать влекущим – ведомым я уже стал.

Что влекло меня самого? Я вдруг понял, что у меня нет ни малейшего желания предпринимать какие-либо паломничества. Тогда самым большим моим желанием было, как это ни покажется странным, поклониться Смерти – главной загадке человеческого бытия.

«„Бог есть любовь“», – сказал Иисус, но мы ничего не поймём в этом откровении, если не переведём его из категории Морали в категорию Нравственности. Сознание тем главным образом и отличается от Жизни, что оно воплощается в реалии не инстинктом, не рассудком и даже не страстями, а в первую очередь чувством, главнейшим из которых является Любовь. Уберите это чувство из жизни человека, и он умрёт, потому что ему не для чего станет жить. Чувством, следующим за Любовью по значимости, является Страх как угроза потерять то, что ты любишь. Главнейшая ценность, которая есть у нас, – наша жизнь, и, значит, главный страх наш – перед смертью.

Этот страх терзает нас от самого рождения, он и животный, и моральный, но в первую очередь нравственный.

Невозможно найти человека, который никогда не задумывался бы о смерти, но всякий раз перед этой тайной сознание наше отступает, из тайны превращая его в табу. Мы утешаемся иллюзиями или откровенным обманом».

Арсентий Сириус «Слово Пророка».

Ни одна религия не делает нас в этом вопросе свободными, но ни одна из них и не ставит перед собой такой задачи, поскольку прав был Аврелий Августин, восклицая: «Церковь должна заботиться не о том, чтобы сделать рабов свободными, но чтобы сделать их добрыми». Вот почему я и не нашёл себя ни в одном из существующих в мире вероисповеданий.

«И всё-таки мы смертны...» Смерть, смерть, смерть... Как же она всё-таки несправедлива!

«Но почему же мы так легко миримся с этим?»

Сколько раз я вопрошал древних в попытках найти ответ на этот вопрос!

«Соединилось и разъединилось, и вновь ушло, откуда пришло: в землю -земля, дыхание – в небо. Что тут страшного? Ничего!» (Эпихарм).

«Это боги устроили так, что всякий может отнять у нас жизнь, но никто не в состоянии избавить нас от смерти» (Сенека).

«Что тут страшного?» Но если нет страха, значит... не было и любви?

«Я не хочу умирать!» – сколько людей твердили до меня эту фразу, но безнадежно. Сколько веков! Прежде чем пришёл человек, который рассказал нам о Вечной Жизни, провозгласив: «Право на бессмертие – неотъемлемое право каждой души, каждой цивилизации, более того – это единственная по-настоящему великая их цель. И не беда, что понадобятся для этого труды многих поколений».

«Самое ужасное из зол, смерть, не имеет к нам никакого отношения; когда мы есть, то смерти ещё нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет» (Эпикур).

«Смерть для человека – ничто, так как, когда мы существуем, смерть ещё не присутствует, а когда присутствует, тогда мы не существуем» (Эпикур).

Ах, как, оказывается, просто попытаться спрятаться за игрой слов от «старухи с косой».

«Жизнь подобна игрищам: иные приходят на них состязаться, иные – торговать, а самые счастливые – смотреть» (Пифагор).

«Смерть не есть зло. Ты спросишь, что она такое? Единственное, в чём весь род людской равноправен» (Сенека).

«Казалось бы, быть равными в смерти – разве этого мало?» Да, действительно, смерть – великий уравниватель. Богатых не спасает их богатство, негодяев – их цинизм. Но в этой «справедливости» я почему-то мало нахожу для себя утешения.

«А что такое люди? Смертные боги» (Гераклит).

Нет, люди не боги. Человек смертен, но это совершенно не мешает ему продлить свою жизнь настолько, насколько ему захочется.

«Бессмертные – смертны, смертные – бессмертны; смертью друг друга они живут, жизнью друг друга они умирают» (Гераклит).

Это, пожалуй, самое загадочное и вместе с тем самое достоверное, что я нашёл о смерти у древних. Этот путь, путь Вечной Жизни, Главный Путь, как определил его Ведомый Влекущий, так устроен, что человек один, идя по нему, не может достичь ничего. («Вечная жизнь – это не состояние, это Главный Путь, он лежит прежде всего через осознание человеком своего величия»).

И в то же время:

«Мы не войдём в Вечную Жизнь стадом. Каждый человек сам вправе решать: жить ему или умереть».

Вечная Жизнь невозможна для всех, она лишь для избранных. Тех, кто избрал себя для Ней и упорно Ей следует».

Глава 2

Неисповедимы пути, где поджидают нас наши откровения. Встреча с обыкновенной русской женщиной, посещение знаменитого кабаре сдвинули с мёртвой точки мои изыскания. Сейчас все мои устремления сосредоточились на двух книгах: поэме «О всё выдавшем», или, как её ещё принято называть: «Эпос о Гильгамеше» и «Книге выхода днём», более известной как египетская «Книга Мёртвых».

Собственно, своё паломничество я хотел начать с Месопотамии, чтобы поискать духовные следы легендарного царя шумерского города-государства Урука, который, будучи сыном богини и человека, обделён был бессмертием, но страстно его жаждал. После долгих поисков мятущийся царь так и не достиг цели своих устремлений и примирился со своей долей. Почти пять тысячелетий отделяло меня от этого человека, я начинал тот же путь, хотя ничто так, как мои поиски, не приближало меня на сей раз к моей собственной смерти.

К сожалению, современный Ирак, на территории которого в своё время происходили указанные события, менее всего подходил для туризма: террористы, полицейские и армейские патрули, Документы мои вряд ли смогли бы выдержать тщательную проверку, особенно учитывая мою «канадскую» легенду. Поэтому я решил не рисковать.

Также умозрительно, виртуально решил я побывать и в Египте. Не знаю почему, но мне казалось тогда и до сих пор кажется, что никто и никогда не был столь близок к гелекси, как древние египтяне. Никто и никогда, ни до, ни после них не подходил так близко к истине Вечной Жизни. Думая о душе, они в то же время пытались настолько, насколько позволяли возможности того времени, сохранить после смерти своё тело. А пирамида – чем не Вавилонская башня? Надо отдать им должное: ни шумеры, ни египтяне не были материалистами, они и представить себе не могли, что *человек рождается случайно, а умирает навсегда*, что даже души наши смертны, однако жизнь земная не шла для них ни в какое сравнение с жизнью загробной. Идея Рая возникла впервые в зороастризме и начала всё больше совершенствоваться, оттачиваться в других религиях, всё дальше уводя человека от действительного положения вещей. И лишь Ведомый Влекущий вернул нам истину в этом вопросе.

Глава 3

*«Кто, мой друг, вознёсся на небо?
Только боги с Солнцем пребудут вечно,
А человек – сочтены его годы,
Что б он ни делал, – всё ветер!»
Перевод И. М. Дьяконова*

В безысходном отчаянии шептал я про себя эти строки из поэмы «О ВСЁ ВИДАВШЕМ». История Гильгамеша со слов Синликиуннинни, заклинателя».

Всё было как пять тысяч лет назад, но всё было совсем по-другому. Легендарный царь Урука искал бессмертия для себя, я же искал его для всех людей. Гильгамеш просил бессмертия у богов, он надеялся, что они примут его в свой сонм, позволят ему им уподобиться. Он частично имел на это право, но боги по-своему решили его участь.

За мной не было богов, только слова Ведомого Влекущего. И основные вехи, им отмеченные.

«Мы не войдём в Вечную Жизнь стадам. Каждый человек сам вправе решать...»

Я решил жить.

«Вечная Жизнь невозможна для всех...»

Я избрал себя, избрал солдатом Вечной Жизни и никуда не собирался с этого пути сворачивать.

«Следует стремиться к раю на земле, а не на небе...»

Я выбрал землю. Навсегда. Скорее, она меня выбрала. Теперь мне предстояло открыть её для себя и для других людей заново.

«Если рай не в тебе самом, то ты никогда не войдёшь в него». Так провозгласил *Ангелус Силезиус*.

Я жаждал узнать истину о Рае, и ничего так не хотел сейчас на свете, как того, чтобы его врата как можно скорее открылись для меня.

«Первое, что ты должен осознать: мы живём в Аду...»

Я уже не жил в Аду, Ад был вокруг меня.

«... если истинны, верны твои помыслы и цели.»

Я шёл вперёд, не оглядываясь. Я не сомневался в том, что рано или поздно кто-нибудь за мной да последует. Ибо... опять же, если верить Пророку – *«нет другого пути»*.

Но, повторяю, я слишком хорошо понимал, что ничего не достигну из намеченного, если не преодолею в себе древнего, «ветхого» и даже «нового» человека.

«Мудрый! Обязан будучи жить среди простого народа, будь подобен маслу, плавающему поверх воды, но не смешивающегося с оною» (Пифагор).

«Быть мудрым означает умереть для этого мира» (Аврелий Августин).

Из великого множества изречений об уме, глупости и мудрости я выбрал только эти два, как крайности. В каком же из них была истина? Думаю, как всегда – посередине.

Богоискательство и богостроительство. Идеал и догма. В своих поисках, отталкиваясь от «нового» человека, я не пошёл дальше, а наоборот, следуя указаниям Пророка, повернул вспять. Я прошёл равнодушно мимо человека родового – «избранного», «ветхого» и остановился возле человека античного, найдя именно в его представлениях о мире свой *«полосатый пограничный столп»*. Собственно, было бы странно, если бы я поступил иначе.

Я начал сокрушать в своём сознании истуканов-идолов, но не во имя Христа – зачем было повторять период, уже человечеством пройденный? Ибо человек ничем не пожертвовал тогда^ он взял всех своих идолов в христианство вместе с собою. С той лишь разницей, что из богов, божков большей частью они стали ангелами, демонами, злыми духами, дьяволами. Церковь не растерялась, включила их в свой арсенал как дополнительное, мощное средство воздействия на верующего человека.

Человек – тварь божья или частичка Бога? Вот что стало для меня сейчас основным вопросом. И я вовсе не занимался мудрствованием – я искал здесь для себя ориентиры, руководства к действию.

Я не хотел больше быть жертвою; жертвоприношение в любом его виде вызывало во мне отныне лишь отвращение и резкий протест. Несмотря на то, что я стал маслом, «маслом поверх воды» (Пифагор) и «мертвецом для этого мира» (Августин), у меня не было ни малейшего желания закрыть собой какую-нибудь амбразуру. Наоборот, жажда жизни с тех пор, как я вышел из полумрака, начала определять всё в моём сознании.

Я поднимался с колен, я не хотел больше быть «коленикопытным», рабом, а уж тем паче – «венцом творения», и сам удивлялся той силе, энергии, целеустремлённости, которые отныне переполняли меня.

Однако вскоре, как и следовало ожидать, наступил отток. Вызван он был опустошением, произведённым словами Пророка в моей личности: во мне образовался вакуум, который грозил взорвать меня, если я его срочно чем-нибудь не заполню.

Но чем я мог его заполнить? Новой ложью? То, что поселилось в моей душе, требовало осмысления, а у меня, к сожалению, совершенно не было времени ждать».

Арсентий Сириус «Слово Пророка».

«Как бы мы ни старались, в существующих представлениях Человека о Боге невозможно отделить языческое от духовного, одно только определение „раб божий“ способно низвести нас не только до рабского, но даже до скотского состояния, ибо понятия „рабство“ и „вера“ несовместимы».

«Жертвоприношение до сих пор является важнейшим элементом не только Общества, Культа, но и одной из важнейших составляющих Личности (либо ты приносишь жертвы сам, либо приносят в жертву тебя).

Дикость, насилие, варварство не только не искореняются, а наоборот, насаждаются, всё более становясь нормой жизни.

Я уже не говорю о раздвоении. Люди говорят одно, а делают совсем другое: поступки их часто совершенно противоположны их высказываниям, а порой даже и намерениям. Никто не озабочен поиском Истины, а уж тем более служением Ей. Люди тонут ежедневно и ежечасно в потоках лжи, низвергаемых на них и извергаемых ими самими.

Но наряду с болью существо моё наполняется счастьем. Я не вижу отныне врагов вокруг себя. Совершенно чужие люди становятся мне вдруг близкими и понятными. Они пока ещё чужие, но уже не чужды мне.

Я отрываю глаза от страниц «Книги» и не устаю удивляться, как каждое слово, почерпнутое в ней, взрывает моё сознание, меняет мою личность, и очень надеюсь на то, что когда-нибудь, хоть немного, точно так же оно изменит и окружающий меня мир».

Арсентий Сириус «Слово Пророка».

Глава 4

Я не успел, конечно. Меня охватило вдруг острейшее чувство одиночества, налицо были и все признаки надвигающейся депрессии. Как следствие – работа над «Словом» почти полностью сошла на нет. Я понял: нельзя столько времени безнаказанно заниматься самоедством, пора хоть ненадолго выбраться из своей норы.

Первое, что я попытался преодолеть в себе, – страх разоблачения. В Европе разгуливало в то время столько нелегальных иммигрантов вообще без какой-либо видимости документов, и что же им грозило при задержании? В худшем случае высылка из страны. Но перед этим несколько месяцев бесплатного жилья, питания, их даже развлекали, учили языку страны пребывания, основам её законодательства, давали деньги на карманные расходы. Сколько людей подобной даровщинкой пользовались – просто не сосчитать. Что говорить обо мне при моих-то деньгах? Я мог нанять кучу адвокатов для проволочек, в очередной раз обзавестись новыми документами, изменить внешность, притвориться, что страдаю амнезией – потерей памяти. В общем – на голове ходить. Но я был предельно осторожен. Пожалуй, слишком осторожен и, осознав это, тотчас же из своего анахоретства бросился в другую крайность: искал общения, перемены мест, везде, где только мог их найти.

Я бесцельно бродил по улицам города, о котором ещё утром не имел ни малейшего представления, знакомился с совершенно незнакомыми людьми в кафе, барах, при осмотре достопримечательностей. Перемещался неустанно: из Бретани в Нормандию, из Прованса в Бургундию, всякий раз поражаясь, насколько разнообразна Франция, а ведь помимо неё было множество и других не менее замечательных стран.

В бесконечных разговорах, где темы, мнения менялись как в калейдоскопе, общении с природой, которая буквально ошеломляла своей первозданностью и величием (с ума сойти, к примеру, как прекрасна та же Бретань – древняя Арморика: Канкаль, Динар, Сан-Мало, Прентиви, Киберон, – я облазил там каждый уголок), я быстро забыл и об одиночестве, и о депрессии, даже творческий кризис исчез сам собой, повис лёгкой дымкой на горизонте.

«Чудеса противоречат не природе, а известной нам природе»
(Аврелий Августин).

Вот эти два рычага: отрицание сверхъестественного в чуде и открытие, как основной путь познания, как раз и довершили происходивший во мне процесс. Мой вакуум стал быстро заполняться, но я был поистине бездонной бочкой, ничто уже не в состоянии было меня вдребезги разнести.

Как раз в это время я и получил весточку от человека, о котором уже успел совершенно забыть, отослав воспоминания о нём в самые глубокие кладовые своей памяти.

Глава 5

Я был не просто раздражён, я был в ярости. Действительно, более неподходящий момент для подобного звонка трудно было и представить, тем более сейчас, когда я начал наконец выходить из тупика. Вот почему первой моей реакцией было наплевать на какие бы то ни было обязательства и обещания и попросить Лилианну отложить на неопределённое время её предполагавшийся визит. Затем я сумел всё-таки взять себя в руки и даже изобразил в разговоре по телефону какое-то подобие любезности. В конце концов, она ведь сама предполагала возможность такой ситуации и пообещала не быть обузой. Что я терял? Пусть делает всё, что ей заблагорассудится: попутешествует по стране, накупит себе каких-нибудь тряпок, сувениров – я никогда не был жмотом. Главное – не дать понять человеку, что он в тягость, поактёрствовать даже, если понадобится. В конце концов, вся моя жизнь с некоторых пор стала сценой с постоянно открытым занавесом.

Однако я, конечно же, себя переоценил. Одно дело болтать не пойми о чём где-нибудь за кружкой пива с совершенно незнакомым человеком и совсем другое – перспектива прожить бок о бок целый месяц с женщиной, которая прекрасно понимает не только твой родной язык, но любую шутку в нём, намёк, отсыл, аллюзию.

Мы встретились там же, где и расстались несколько месяцев назад, – в Руасси, аэропорте Шарля де Голля. Лилианна сразу отметила резкую перемену в моём отношении к её приезду, но была, как видно, подготовлена к ней. Она определённо ехала не просто за границу, а к человеку, к которому была равнодушна. Всё в её внешности, одежде было продумано до мелочей. Настолько, конечно, насколько ей позволяли средства. И нужно было быть последним скотом, чтобы не оценить такое.

Мне ничего не оставалось другого, как только смириться. Мы добрались до Парижа, поселились в скромном, но вполне уютном отеле, затем посидели немного в ресторане, где я первоначально попросил Лилию составить список мест, которые она желала бы посетить.

– Понятно, – с усмешкой кивнула она, разделяваясь с *esturgeon a la broche* – осетриной, жаренной на вертеле, так, как будто это было для неё самым обыденным делом. – Хотите отвяжаться от меня? Вообще-то, мы договаривались, что я буду всего только вашей тенью, но если вам понадобится отослать меня куда-нибудь на день, на неделю, даже на целый месяц, что я наметила с вами провести, я не вправе возражать. Желательно только, чтобы вы не отослали меня обратно в Москву.

Моё молчание было достаточно красноречиво.

Утром, когда я проснулся, на столе меня ждал завтрак. Лилианна с утра сходила на рынок, на крохотной кухоньке в нашем номере заодно сварила и обед. Поприветствовав меня и обозвав «соней», она с самым будничным видом собрала моё грязное бельё и отнесла в прачечную самообслуживания. В конце концов исчезла и не появлялась до глубокого вечера. Послонившись по номеру, я всё-таки достал свой планшет и через некоторое время забыл обо всём на свете. Не знаю, что нахлынуло на меня, но пальцы мои так и носились по «клаве», как будто бы мне и не принадлежали.

Так продолжалось три дня, а затем я сам заскучал по своей гостье, которую практически не видел. Следы её заботы были повсюду, но она так выстраивала своё время, что мы с ней почти не сталкивались. Я по натуре «жаворонок», «соня» – это совершенно не обо мне. Вот почему к обеду я обычно выдыхаюсь и, опустошённый, испытываю огромную потребность восполнить хотя бы частично то, что из себя излил. Так что Лилианна пришлась тут как нельзя более кстати. Однако я совершенно не ожидал того – каким необыкновенным стимулом будет для меня общение с человеком с моей родины, на родном языке, да ещё с каким-то своим,

недоступным для меня видением мира, где я уже больше года волею судьбы находился. Но дело было даже не в том – дело было в самой этой простой русской женщине.

«Ева и Лилит.

Все мы родом из Мифа. Мифами живём (в них обретаемся), мифами же и питаемся. Именно так устроено человеческое сознание, и с этим уже ничего поделать невозможно.

Но что же такое миф? Грёза? Сказка? Выдумка?

И то, и другое, и третье. То есть не более как попытка осмысления Истины.

Если присмотреться, то всякий миф возникает из тайны, мечты, идеала. Ну а чем заканчивается? Вероятно, догадаться уже: догмой. Большинство мифов как раз и преподносятся нам в виде готовых догм, составляющих основу нашего самосознания. (*«Что такое религия? Мышление идеалами. Однако на практике она сплошь и рядом превращается в мышление догмами»*).

Догма – страшное слово. Что ожидало того, кто решался когда-либо посягнуть на сложившиеся веками и даже тысячелетиями основы основ? В лучшем случае обвинение в ереси. В худшем – не просто изгнание, гонения – на кон ставились (да и до сих пор так) его свобода, а порой и сама жизнь.

И всё-таки куда хуже бывало, когда люди замахивались на святое, крушили всё, во что раньше безоговорочно верили, не противопоставляя этому ничего взамен.

Где же в таком случае истина? И здесь, как всегда, как извечно – посередине. То есть, в проблемах, размышлениях, решениях. Завершаясь догмой, миф чаще всего становится ложью, и это печально, однако другого строительного материала у человека и человечества под рукой нет, да и не предвидится. Во всяком случае, в обозримом будущем.

Невозможно здесь выдумать что-то новое: хотим мы или не хотим этого, но надо исходить из того, что весь мифологический свод уже нам явлен.

Что же доступно тогда нашему сознанию, чем мы можем развиваться, продвигаться вперед? Только новыми догмами: идеалы на то и идеалы, что они неизменны.

О чём, собственно, я? Да о чём угодно. Любую проблему можно рассмотреть под таким углом и убедиться, насколько она устарела.

Пример новой догмы: Прамужчина и Праженщина едины, они составляют собой одно и то же понятие: Прачеловек. Для Бога они равны, для Природы тоже.

Принимается, но важен путь: как, каким образом, мы пришли к подобному утверждению?

Мы уже обсудили: все догмы в нашем сознании, а без них оно (и это мы тоже выяснили) просто несостоятельно, восходят к своим истокам. Так что, заводя разговор о новой догме, мы не можем возвести её на пустом месте, а должны выстроить от начала и до конца и, соответственно, в первую очередь определить, откуда она появилась.

Конечно, у нас нет сомнений: Адам, Ева, Лилит – творение ума человеческого, а не на самом деле существовавшие личности. То есть с точки зрения современного, свободного от устаревших представлений и предрассудков, человека, не более чем мифологические (читай: сказочные) персонажи. Однако персонажи, всегда наводившие (и до сих пор продолжающие наводить) на глубокие размышления. Как ни крути, они часть истории, причём в куда большей степени, чем многие реальные её герои: злодеи, обыватели, злопыхатели и иже с ними.

Не будем рассуждать об Адаме, с ним всё просто, но вот его женщины...

Ева или Лилит, кто первичен, а кто вторичен из них – вопрос так не стоит. Первична – Лилит. Вторичными в данном случае можно считать лишь попытки извратить, очернить её образ. Одна из таких попыток – прежняя, властвовавшая над умами человечества три тысячи лет догма: Праженщина – только Ева, кроме неё вообще никаких других вариантов не было, и быть не могло.

Сказать, указать, приказать, конечно, можно что угодно, но как же глиняные таблички, пергаменты, папирусы, то бишь исторические документы? С ними не поспоришь.

Итак, что несомненно? Лилит была сотворена во всём равной Адаму, то есть из праха земли, грязь здесь не что иное, как первая попытка всё того же очернительства. Адам не пожалел равенства между ними (причины приводятся самые разные, начиная от того, кто из них должен был быть внизу (суккубусом), а кто наверху (инкубусом) для того, чтобы исполнять побойчее наказ Вседержителя «плодиться и размножаться», до куда более важного момента: кому из них в итоге, может даже после длительной борьбы, предстояло быть под пяткою (каблуков тогда ещё не было) у другого.

Чушь, конечно! Предположить, что они были совсем без мозгов, чтобы днями и годами заниматься любовью в одном и том же положении? Тоска, да и только! Ну а насчёт пятки... что, спрашивается, было делить этой парочке в Раю, где всего было и так в преизбытке?

Что ещё? Лилит сбежала? Куда? Зачем? А главное, к кому? Других-то мужчин, ни в Раю, ни в Аду, а уж тем более на Земле, в тот момент не было.

Адам пожаловался Богу, попросил замены. Бог хотел вернуть Лилит обратно (Куда, интересно? Обратно в прах или грязь?), но она не подчинилась.

Бессилие Бога? Наверное, логичнее было бы предположить другое: люди не духи, они состояли из плоти и крови; небо на столь неимоверное количество человеческих особей просто не было рассчитано, рано или поздно оно должно было бы рухнуть на землю, так что куда проще было низвергнуть на землю самих людей.

Далее: Лилит была слишком умна и, возможно даже, добродетельна, чтобы прельстится уговорами змия, – пришлось сотворить дурочку Еву, которая и на земле впоследствии должна была играть исключительно подчинённое положение (коли уж произошла из ребра своего мужа).

Лилит же уготовано было в итоге отлететь в сонм демонов и обрести бессмертие (неплохой подарочек, редкий бы отказался от такого, ничего себе наказаньице!).

Ну а дальше уже можно было измышлять что угодно (как говорится, папирус «всё стерпит»): соблазнение во сне мужчин, высасывание крови у младенцев, распутство с другими демонами, определения «ночная ведьма», «ужас в ночи» – и так до бесконечности: было бы на кого списать собственные вполне земные, пороки.

Что же касается истории, точнее религиоведения, Лилит была и останется на веки вечные. Можно и так подумать: в её неудачном соперничестве с Евой за сердце Адама мы имеем первый в истории человеческого рода развод.

Что стало с ней дальше, мы не знаем; скорее всего с помощью Божьей (а как иначе?), она повторно вышла замуж и (о бесплодии тогда никому, даже Богу, было неизвестно) наплодила кучу прелестных розовощёких ребятишек.

Напрашивается другой вопрос: была ли Ева? Не продукт ли она творчества жрецов, их не религиозная, а церковная выдумка?

Полагаю, что три тысячи лет – достаточный срок, чтобы считать этот вопрос чисто риторическим. Как и её соперница, Ева была, есть и пребудет вечно.

Хотя если разобраться, истинная проблема гораздо сложнее. Мы понимаем, конечно, что Общество в то время, да и три тысячи лет после, не могло развиваться без идеологического, якобы определенного Высшим Законодателем как изначальный порядок вещей, закабаления Женщины, но вместе с тем вправе ли мы и дальше притворяться, что продолжаем обманываться на сей счет?

Итак, в чём же суть новой догмы? Дух не имеет пола, плотью же своей и мужчина и женщина на равных подчиняются Природе, следовательно, они во всём равны. Их неравенство существует лишь в Обществе, но не само по себе, оно производится имеющимися там рели-

гиями и церквями, а следовательно, справедливость здесь можно и нужно, причём желательно в рекордно короткие сроки, восстановить»

Арсентий Сириус «Слово Пророка».

Но это была теория, что же касается непосредственно Лилианны, не было никаких сомнений, что она не имела к Еве ни малейшего отношения. Видно было невооруженным взглядом, что она ничего не смыслила в феминизме, но ей и не нужно было за что-то бороться, чего-то добиваться: в отличие от подавляющего большинства других женщин, она со свободой родилась. Этот удивительный феномен я почувствовал в ней уже при первой нашей встрече, но только сейчас его осознал.

Так пришла любовь, и всё вокруг изменилось. Многое из того, что я не мог понять у Учителя, что никак не мог осознать в себе самом, теперь, благодаря нежданно-негаданно нахлынувшему чувству, стало вдруг простым и естественным, без слов объяснимым, органической частью моего существа. Ведь как я ни изощрялся раньше в своих поисках, какие усилия ни прилагал, происходило нечто странное: чем ближе я подбирался к себе истинному, тем дальше отдалялся от того мира, в котором жил. Он становился вдруг не просто чужим, но во многом даже и враждебным мне. Постоянно возникали вопросы: что делать, как дальше жить? Как устраиваться в новом своём качестве в мире, который, в отличие от меня, не изменился ни на йоту?

В разговоре с клерками я назвал гелекси «людьми второй оболочки», но сам-то я был из плоти и крови. Как-то так получилось, что я забыл об этом, увлёкся новыми идеями, слишком во многом стал жить неким неопределённым будущим. Которое уж точно было не моё: слишком было отдалено во времени от моих насущных проблем.

Теперь наконец всё встало на свои места.

И я не мог предать себя, нас, решив осуществить нашу мечту хотя бы частично.

Часть четвёртая

Глава I

*Как тишина есть отсутствие всякого шума,
нагота – отсутствие одежды, болезнь – отсут-
ствие здоровья, а темнота – света, так и зло
есть отсутствие добра, а не нечто существ-
вующее само по себе.
Аврелий Августин*

*Средства борьбы со злом
оказываются иногда хуже, чем самое зло.
Публилий Сир*

Конечно же, я выбрал Египет. Что нового для себя я мог бы почерпнуть, скажем, в том же Израиле? Тысячелетние догмы, которые я сейчас с такой лёгкостью опровергал? Нет, меня интересовало совсем другое: поиск, неистовство мысли и главным образом, наверное, тот роковой и крайне любопытный для меня момент, когда этой мысли наступили на горло, приговорив мир к христианству и горделиво провозгласив: «Отныне мы знаем всё, что нам только нужно знать».

Впрочем, первое впечатление от родины пирамид и фараонов было для меня поистине шоковым. От великой цивилизации, когда-то на тысячелетие как минимум опередившей остальной мир, да и до сих пор во многом неразгаданной, мало что осталось.

Страна никак не могла выйти из политического кризиса, находиться в ней было отнюдь не безопасно.

Мы прилетели в Хургаду, и с первого же дня всё пошло наперекосяк: нам не повезло с отелем, с окружением, лично меня раздражало вообще всё вокруг. Первым моим поползновением было немедленно удрать отсюда. Однако стоило только удалиться на пару десятков километров на такси, как я понял: единственный выход – тут же вернуться обратно. Жара была невыносимой, антисанитария такая, что трудно себе и представить, машины, машины, машины и... никаких правил дорожного движения.

Положение моё осложнялось ещё и тем, что я был здесь не один, а в связке с незнакомым, в сущности чуждым мне человеком. А оттого даже решение о том, чтобы сесть в первый попавшийся самолёт и улететь отсюда куда угодно, хоть к чёртовой матери, я не мог принять в одиночку.

Два дня я просидел в номере, не в силах разрешить эту проблему. К счастью, Лилианна понимала моё положение и старалась без крайней нужды не досаждать мне. Больше всего меня поражало в ней чрезвычайно редкое для женщины качество: она умела быть незаметной.

Сама она ориентировалась прекрасно в этом театре абсурда: приучилась говорить только по-английски: русская речь здесь сразу же вызывала повышенный ажиотаж – лёгкая добыча! На тебя набрасывались со всех сторон и старались всучить всё, что только можно, а то и просто тянули и тянули руку: «Дай! Дай денег!»

Никогда не таскала с собой сумочку: «Нет денег! Нет! Извините! Вы очень любезны! Я очень люблю Египет! Я в восторге от вашего обслуживания». Неустанно повторяла эти фразы, как попугай (попугаиха), мило всем улыбалась и вообще несла такую ахиною, что даже самые закоренелые попрошайки буквально шаркались от неё, как от зачумлённой.

Время – лучший подсказчик, и наконец я потихоньку стал выбираться из тупика, который, как я понял, присутствовал лишь в моём воображении. Поразмыслив как следует, я пришёл к выводу, что у меня есть только три варианта выхода:

как я уже говорил, немедленно уехать, осознав свою ошибку;

просто посвятить всё время отдыху, проводя его на пляже у моря, – здесь, под неусыпным надзором охранников, мы были надёжно ограждены от всех неприятностей;

наплевать на осторожность, быть самим собой, вычертить свой собственный маршрут и неукоснительно ему следовать, при необходимости разделяясь с Лилианной, затем, к вечеру, встречаясь и делясь впечатлениями.

Конечно, я выбрал бы третий вариант, однако он напрочь исключал тот образ жизни, который я вёл последние полгода и который успел впитать до мозга костей. Главным правилом было ни в коем случае ничем не выделяться, быть серенькой мышкой, растворяясь в толпе, которая меня окружала. И у меня, как мне казалось, были все основания и впредь так себя вести.

Но здесь, в Египте, неожиданно исчезли из моего сознания «параноидальные тополя» в «тёмных аллеях», подобные описанным Иваном Буниным. Создавалось впечатление, что я никому вообще тут не нужен и не интересен. Вот почему я всё-таки решил рискнуть, наплевав на осторожность.

Теперь оставалось только придумать, как реализовать своё намерение. Что само по себе было непросто. Болтаться вдвоём по столь проблемной стране, как я уже упоминал, выглядело и нерационально, и небезопасно, однако мне невыносимо было даже думать о том, чтобы присоединиться к какой-нибудь туристической группе. Выход был только один – тот, что я выбрал с самого начала: индивидуальный тур. С тем мы и отправились с Лилианной в ближайшее туристическое агентство. Как я и предполагал, сначала нам категорически отказали, даже возмутились: «О нет, сейчас такой наплыв туристов (где они, интересно?), при всём желании мы не можем вам подобную услугу предоставить!» Затем дело свелось, как всегда в подобных случаях, к деньгам, и тут же появились кандидатуры. Однако ни один (одна) из этих претендентов ни в малой мере не устраивал нас, тщетно туроператоры щёлкали мышкой компьютера: нам нужен был человек, который не просто помогал бы нам отбиваться от местного весьма навязчивого сервиса, а, насколько это возможно, вообще отгородил бы нас от него.

Наконец я понял, что мои претензии нереальны, и решил, что не остаётся ничего другого, как только продвигаться по намеченному маршруту одним, на собственный страх и риск. В этот момент как раз и появилась пани Гражина. Просто из одного турбюро, в котором мы уже безуспешно пытались счастья, нам позвонили и сказали, что есть как раз то, что нам нужно.

С этого момента дальше всё совершалось как по волшебству, никаких проблем у нас больше вообще не возникало. Даже когда что-то нас удивляло, всё равно в итоге оказывалось, что так и только так всё и должно было быть.

Почему полячка? Да потому что Гражина знала в совершенстве русский язык: а уж коли экскурсии, то пусть они будут на достаточно высоком уровне, чтобы мы всё понимали (я беспокоился больше за себя, нежели за Лилианну).

Муж Гражины – Рамзес (имя наверняка ненастоящее, но туристам нравилось, добавляло экзотики, мы против него тоже не возражали), являвшийся также шофёром нашего шатра на колёсах, брал на себя все переговоры с аборигенами, в случае необходимости охотно демонстрируя свою могучую фигуру и рост два с лишним метра.

Мы ничего не понимали в том, что могло соединять этих людей: изящную, интеллигентную пани из Вроцлава, типичную католичку, и свирепого на вид египтянина-копта. Однако они относились друг к другу с таким вниманием, с такой нежностью, что можно было просто умереть от зависти, если бы мы с Лилианной не находились на самом пике наших отношений.

Наш микроавтобус был поистине маленькой крепостью, в которой присутствовал даже кондиционер (что могло быть важнее в стране, большую часть которой занимает пустыня?). Сиденья сзади раскладывались и с помощью каких-то нехитрых приспособлений превращались в две вполне сносные кровати. Мини-бар. А с водой здесь по той же причине – пустыня – были очень большие проблемы. В ответ на наши ахи-охи Гражина сразу объяснила нам, что имеет дело только с достаточно богатыми туристами, в основном немцами, и одна из её черт, благодаря которой её так уважают клиенты, – она им экономит кучу денег. Не случайно первым делом она поинтересовалась, сколько за неё запросило то злополучное турбюро, которое нам её сосватало, а узнав сумму, тут же попросила мужа развернуть машину и устроила грандиозный скандал сидевшему в офисе менеджеру. Мы получили колоссальное удовольствие, слушая с разинутыми ртами её виртуозную ругань на арабском и наблюдая очень смешной спектакль, но сами от этого не выиграли ни гроша, всё досталось актёрам (в решающий момент откуда ни возьмись появился гигант Рамзес и уставился на менеджера немигающим взглядом своих горящих, как два маленьких уголька, глаз), с таким рвением отстаивавшим свои интересы.

С этого момента желания уехать так ничего и не посмотрев у меня больше не возникало: мы с Лилей действительно почувствовали себя под надёжной защитой. А деньги... Скупой платит и дважды, и трижды – столько, насколько глупость в нём сочетается с жадностью.

Но, конечно, расслабляться нельзя было. Первым делом я согласовал с Гражиной маршрут, дав ей понять, что, хоть я и никогда не был в Египте, но турист бывалый и к поездке подготовился основательно. Гражина быстро поняла это, но свою дань уважения проявила несколько необычно: она тщательно расписала на планшете каждый день нашего маршрута, проставила везде цены, вывела итог, а затем подсчитала и общую сумму. Затем подала своё «произведение» нам с Лилианной. Лиля лишь развела руками, я же что-то вычеркнул, что-то дополнительно включил и вернул компьютер нашей очаровательной «пани». Она кивнула, добавила в импровизированный прайс-лист графу «непредвиденные расходы», затем вывела получившееся с планшета на бумагу и дала нам на руки распечатку вместе с массой буклетов и прочего рекламного мусора. Оставалось только молить Бога, чтобы всё это не оказалось надувательством, а и в самом деле воплотилось в жизнь.

– Потрясающе! – сказала Лилианна, когда мы уселись в креслах небольшого уютного номера на двоих (Гражина первым делом переселила нас в другой отель), в банных халатах, разморённые после контрастного душа. – Теперь я верю, что ты и в самом деле бизнесмен. Это просто сказка по сравнению с тем, что я слышала от моих знакомых, которые здесь бывали. У некоторых из них тут были сплошные неурядицы, когда они пытались строить свой отдых индивидуально, – у нас пока их нет совершенно.

Перед тем, как выйти из автобуса, Гражина нас предупредила, чтобы мы не брали никаких напитков из холодильника в номере (умопомрачительно дорого!), что пронести в отель напитки, купленные в другом месте, совершенно невозможно: охранники чуть ли не обыскивают постояльцев у входа, и вообще это не наша забота, все проблемы она берёт на себя, мы будем всегда и везде обеспечены всем, чем нужно. Что не стоит гнаться за пятизвёздочными отелями, иногда вполне достаточно и трёх звезд, а вообще оптимальный вариант – это четыре звезды, ну и много всякой другой полезной ерунды. Поздновато немного. Мы имели счастье в этом убедиться, взглянув на счёт, когда выселялись из своего прежнего отеля. Принцип «всё включено» оказался полным надувательством.

Всё складывалось настолько удачно, что в какой-то момент я задумался: а может, права Анята: уж коли у меня такие способности вести дела, зачем мне вообще богословие? Но я быстро прогнал эти мысли. Хоть я и вычищал из себя в последнее время поганой метлой суеверия, зачем Бога гневить?

Глава 2

Луксор, «город-дворец». Когда-то имя ему было Фивы, почти две тысячи лет он являлся одним из самых почитаемых чудес света, удивляя весь древний мир своей сказочной роскошью и уникальной архитектурой, пока, ещё в VII веке до н. э. его не разграбили и не разрушили ассирийцы. Но кое-что всё-таки осталось.

Мы с Лилианной сразу договорились, как я и намечал, что будем осматривать достопримечательности врозь, вечером встречаясь и делясь впечатлениями. С тем мы и расстались. Анюта, не выпуская из рук знаменитый путеводитель Томаса Кука, загодя купленный ещё во Франции («En russe? Pourquoi pas?» – «На русском? Почему бы и нет?» – *франц.*), о чём-то увлечённо разговаривала с Рамзесом. Я, в свою очередь, с некоторым опасением ожидал, выдержит ли мой весьма и весьма своеобразный маршрут Гражина, но в конце концов решил не шадить очаровательную полячку: если сойдёт с дистанции, я вполне смогу и без неё обойтись.

Для начала я несколько раз пересёк туда и обратно на катере Нил, перемещаясь поочередно то в Город мёртвых, то в Город живых. Это был как контрастный душ под нещадно палившим солнцем: у меня сложилось впечатление, что в течение пары часов я прожил несколько перевоплощений.

– Такое разделение, на город живых и город мёртвых было очень характерно для городов Древнего Египта, – занудным экскурсоводческим голосом начала свою лекцию полячка, но я поспешил прервать её.

– Послушайте, пани Гражина, вынужден повториться: к сожалению, вам достался не совсем обычный турист, тем более что я к этому путешествию тщательно подготовился. Меня не интересует обзорность, но есть места, которые я хотел бы не просто посетить, а изучить. Так что я нисколько не обижусь на вас, если вы не будете бегать за мной вприпрыжку по этим камням, которые вам наверняка уже давно осточертели, а подождёте в автобусе либо присоединитесь к моей жене и Рамзесу.

– Так Лилианна ваша жена? – спросила Гражина, больше не из интереса, а чтобы сбить меня с толку и выиграть немного времени для переоценки ситуации.

– Практически, да, – без зазрения совести тут же откликнулся я (врать, так напрапую), – гражданская, но мы решили в самом ближайшем времени оформить официально наши отношения. В принципе, можно считать, что это наше свадебное путешествие.

Гражина чисто по-женски скривила губки: то есть слегка, ни на минуту не забывая о возможных грядущих морщинах.

– Вы это только сейчас решили? Дело в том, что нам почему-то понравилось секретничать, или как это у них, русских, называется, шушукаться, с вашей... супругой, но она мне ничего подобного не поверяла.

– Вы думаете, она мне откажет? – ничуть не смутившись, предпочёл я ответить вопросом на вопрос.

– О нет, конечно, – поспешила заретушировать своё излишнее любопытство Гражина. – Мы, женщины, вообще очень любим сюрпризы, когда они такие – приятные. Что же касается наших с вами отношений, то вы в чём-то задели моё профессиональное самолюбие. Я думаю, лучший выход в такой ситуации – несколько подкорректировать тот экскурсионный план, который мы выработали в самом начале. К примеру, там не было разделения на две группы. Сразу оговорюсь, никакие индивидуальные пожелания меня не пугают. Думаю, мы ещё немного поелозим пальчиками на моём планшете сегодня вечером и все вопросы без труда утрясём. Не исключено, что это будет стоить немного дороже, но... я не предвижу ничего

невозможного. Здесь, в Египте, нет вопроса, который нельзя было бы решить. Если, конечно, есть деньги.

О да, я понял. Вплоть до шведского или любого другого варианта – только плати. Я ухмыльнулся. «Ну, насчёт секса – так зачем, спрашивается, для этого нужно было уезжать из Европы? А вот относительно всего остального, милая пани, вы поступили крайне опрометчиво, выдавая мне карт-бланш, я ведь тот ещё дятел: все мозги выдолблю, буквально вымотаю своим занудством».

– Что ж, мне не остаётся ничего другого, как только проверить, действительно ли вы такая волшебница? К примеру, я хотел бы приобрести какой-нибудь уникальный экземпляр «Книги мёртвых». Не подделку, не новодел, а что-нибудь и в самом деле стоящее. Такое возможно?

Не знаю, зачем мне пришло в голову такое пожелание. Не в моём положении было обременять себя какими-либо пожитками. В своих постоянных перемещениях я был похлеще любого цыгана: ни шатра, ни даже ложки мне не требовалось. Даже такие сугубо индивидуальные вещи, как зубную щётку или электробритву, я в любой момент мог сменить. Подарить такой раритет Лилианне? Это означало бы окончательно расшифроваться, да и дарить что-либо подобное любимой женщине – для этого надо быть по меньшей мере шизофреником.

– Я уже сказала: в Египте нет ничего невозможного, – между тем прервала моё затянувшееся молчание Гражина. В её взгляде я неожиданно обнаружил столь жгучее женское любопытство, что даже вздрогнул. Ноздри буквально раздувались, как у породистой лошадки. Поистине неисповедимы пути, которыми можно привлечь к себе внимание женщины (хороших кровей, разумеется). Я решил окончательно её добить.

– Ну, уж если вы настолько любезны, я бы хотел пойти ещё дальше в своих капризах: учитывая дороговизну, мне желательно было бы не покупать, а взять напрокат подобную книгу, то есть лишь попользоваться ею. На период своего пребывания в Египте.

Гражина подумала, наморщила лоб.

– Ваше имя, случайно, не Крез? Такие причуды!

– Нет, моё имя – Дэниел, как вы прекрасно знаете, Дэниель Харни, – ответил я, скромно потупив взгляд.

– «Дэниел Крейзи» (сумасшедший – *англ.*) – тоже звучит неплохо. – Гражина была достойным противником, надолго сбить её с толку, завести в тупик было совершенно невозможно.

– Однако к делу, – поспешил я перевести разговор на другую тему, опасаясь, что подобное пикирование может нас слишком далеко увести, и в который раз уже направился к трапу катера.

Гражина ухмыльнулась.

– Знаете, я, пожалуй, воспользуюсь вашим послаблением: не буду дальше болтаться с вами по волнам, а здесь, на западном берегу, вас подожду. Как я поняла, вас почему-то тут, в Луксоре, а может, и вообще в Египте, интересует всё замогильное, гробовое, так что там, в Городе живых, вы вряд ли надолго задержитесь.

Она была совершенно права. Что больше всего меня поражало в бывшей жемчужине, несравненном чудо-граде Востока – кошмарная нищета. Сплошь ишаки, лошади – даже велосипеды выглядели на этом фоне экзотическим видом транспорта, что говорить об автомобилях! Так что немудрено, что уже через час я воссоединился с Гражиной.

Не думаю, чтобы стоило здесь рассказывать о Карнаке, Долине фараонов: прочитать о них можно в любом справочнике, но только увидев воочию – что-либо о них понять. Подведя итог, скажу лишь одно: день этот стал для меня действительно незабываемым. Не зря же гиды любят так часто повторять поговорку: «Кто не видел Луксора, тот не видел Египта».

Глава 3

Вечером мы встретились снова все четверо. Как и следовало ожидать, Лилианна не уставала восхищаться Долиной фараонов, особенно много она шутила об упавшей гигантской статуе Рамзеса II в Рамессеуме и обзывала нашего гида потомственным лежебокой, хотя тот не поленился и свозил её за три десятка километров в Мединет-Хабу, где храм Рамзеса II был поменьше и в гораздо более приличном состоянии и где статуя знаменитого фараона не лежала поверженной. «Тот – для простых туристов, этот – для знатоков!» – добродушно отшучивался копт, хотя насмешки Лилианны всё же немного его задевали.

Мы уже заканчивали ужинать – приступили к десерту, когда в дверь нашего микроавтобуса негромко постучали. Высокий худой старик зашёл внутрь и долго разговаривал о чём-то с Гражиной. Рамзес в их разговор не вмешивался, но и не шутил больше с Лилей, лишь добродушно улыбался. И он, и Гражина выказывали Старику столько почтения, что я и сам им заинтересовался. Наконец все трое повернулись ко мне. Я тоже поспешил, как мог, исполнить все необходимые телодвижения, означавшие крайнюю степень почтения. Старик долго смотрел на меня своим пронзительным взглядом, затем бережно достал из-под полы халата книгу в затейливом переплёте, казалось хранившую в себе всю толщу веков, которые она пролежала под бережным присмотром строгих жрецов.

– Это вы хотели видеть? – спросил через Гражину Старик.

– Да, – кивнул я.

Я был поражён тому, как верно он угадал. Что меня совершенно не интересовали папирусные свитки, и хотя действительно нужна была инкунабула, но в традиционном, ближе к европейскому, оформлении, называемом среди специалистов кодексом. Фолиант был не из тех компактных, что печатаются в половину листа, а большим, рукописным и в то же время не слишком старым. И был совершенно уникален, главным образом благодаря искусству переплётчика и затейливым рисункам, которыми украсил свою филигранную работу переписчик. В каждом из них чувствовался особенный, непонятный стороннему человеку (мне в том числе) смысл.

– Вас настолько интересует тема Смерти? – продолжал пристально разглядывать меня Старик.

– Нет, скорее, тема Ухода и... Выхода днём, – уклончиво ответил я.

– Почему же вы не захотели купить эту книгу в вечное пользование, а удовлетворились лишь тем, чтобы она помогала вам в вашем путешествии здесь? – задал Старик вопрос, который, как видно, больше всего интересовал его.

Я улыбнулся. Слегка. Как совсем недавно Гражина. То есть лишь уголками губ. Но не для того, чтобы предотвратить морщины, а желая показать этим моё благоговейное отношение к предмету нашего разговора.

– Насколько я понимаю, эта книга не может принадлежать обыкновенному человеку. Если бы я вдруг вознамерился её приобрести, вы либо запросили бы с меня совершенно фантастическую сумму, либо принесли вместо неё какой-нибудь другой, куда менее интересный экземпляр, который оказался бы мне по карману. Проще говоря, чтобы обладать такой книгой, нужно в первую очередь стать её хранителем, а для меня это слишком ответственная миссия.

– Я понимаю, ваша миссия в другом, – согласно кивнул Старик.

Каждую фразу нашего разговора мы сопровождали почтительными жестами рук и поклонами. Со стороны, вероятно, это выглядело крайне потешно.

Внезапно Старик что-то сказал Гражине, та удивилась, но тем не менее выполнила его просьбу. Как я понял, ему почему-то нужно было, чтобы мы остались наедине.

Как только дверь микроавтобуса захлопнулась, Старик склонился ко мне в самом благоговейном поклоне и, к моему невероятному удивлению, заговорил на чистейшем английском:

– Мы долго ждали вашего прихода: те, что сейчас со мною, и те, что были до нас. На это ушли века. Я не смею спрашивать, но, если сможете, ответьте: насколько близко вы подошли к Тайне тайн?

Я грустно покачал головой.

– Мне жаль огорчать вас, но мы лишь у её порога.

Старик задумался. Наконец он произнёс торжественно:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.